

РУССКИЙ ШАНСОН

Владимир

КОЛЫЧЕВ

Когда любовь соперница у смерти

Владимир Григорьевич Колычев
Когда любовь
соперница у смерти
Серия «Колычев. Мастер
криминальной интриги»
Серия «Колычев. Русский шансон»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=298472
Когда любовь соперница у смерти: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-40287-8*

Аннотация

Много чего видывал за время своей службы в уголовном розыске капитан Петрович. Но чтоб такой «латиноамериканский» накал страстей... В квартире обнаружены трупы молодых мужа и жены – ночью их зарубили топором. А на соседнем этаже, оказывается, этой же ночью развлекалась со своим любовником сестра жены, которая уже давно была равнодушна к ее мужу... А любовник, оказывается, был страстно влюблен в убитую... Вот и разберись тут – кто, кого и за что! И Петрович встает на след. Распутать это дело он обязан во что бы то ни стало. И не только потому, что это его профессиональный долг и вопрос чести. Капитану очень приглянулась сестра убитой...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	34
Глава 4	56
Глава 5	80
Глава 6	105
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Владимир Колычев

Когда любовь соперница у смерти

Часть первая

Глава 1

Золотистый цветочный венок в центре ковра впитал в себя пролившуюся кровь – намок, потемнел, потяжелел. Руки лежащей на полу женщины вцепились в ковер так, будто собирались выдрать из него этот страшный венок и водрузить на голову...

Покойница лежала на боку. Тело у нее было молодое и стройное, облаченное в эротичную ночную сорочку в виде крупной вязаной сетки, ноги согнуты в коленях... Обладательница столь замечательной фигуры должна была быть красивой женщиной. Но утверждать этого я не мог, поскольку не видел ее лица: оно было закрыто густыми, слипшимися от крови волосами.

Голова у женщины была проломлена в нескольких местах – отсюда и кровь, отсюда и смерть... Ноги ее согнуты были

так, как будто она падала с колен. Какой-то изувер вытащил ее в центр комнаты, поставил на колени, занес над ней топор или, как минимум, молоток...

Но это было еще не все. В спальне на кровати лежал полуобнаженный мужчина средних лет. И здесь такая же картина – множественные удары в свод черепа...

Было раннее утро, я уже засыпал на диванчике в своем кабинете с надеждой, что ночь не принесет сюрпризов. Но, увы, поступил вызов, и я во главе дежурного наряда выехал на место.

Кто-то из прохожих увидел мужчину, выпрыгнувшего из окна двухэтажного дома, и позвонил в милицию. Засыпая в оперативной машине, я мечтал о том, что тревога окажется ложной.

Окно в квартиру была распахнуто настежь, занавеска сорвана, в комнате горел свет. За долгие годы дом порядком просел под собственным весом, и мне ничего не стоило двумя руками дотянуться до подоконника и, опершись ногой на выступ фундамента, заглянуть внутрь. Вид трупа лишил меня последних иллюзий.

Я не стал лезть в квартиру через окно: побоялся уничтожить следы. А их здесь было предостаточно. Чего стоили только бурые пятна на подоконнике...

Чтобы попасть в квартиру, пришлось взламывать дверь, и это, надо сказать, было самым приятным занятием из тех, что меня здесь ждали.

Дом был старый, убогий, с гигантскими трещинами по всему фасаду, но квартира, в которую я попал, заметно выделялась на общем фоне. Хороший ремонт, новая мебель, ковры на полах, плазменная панель на стене. И только трупы в комнатах портили общее впечатление...

Судя по всему, преступник проник в квартиру, так же как и покинул ее – через окно. В принципе, логичный ход, если нет ключей от двери. Но не очень понятно, почему обратный путь проходил через окно, ведь ключи торчали в замке с внутренней стороны двери. Открыл их и ушел, не привлекая внимания. А так его заметили с улицы, подняли тревогу...

Действовал преступник неаккуратно. Я обследовал подоконник, пол под ним и обнаружил четко выраженные контуры следов обуви примерно сорок пятого размера. Направленная внутрь квартиры «подошва» была только частицами почвы и пыли, а обратно преступник уносил на своей обуви пролитую кровь.

С этими следами будут работать эксперты. А вот для дактилоскопической экспертизы материала могло не найтись вовсе. На чисто вымытом стекле я заметил отпечатки всех пяти пальцев окровавленной руки, увы, защищенной перчаткой с резиновыми проклейками на внутренней стороне ладони.

Я мысленно выстроил видеоряд, как преступник пробирается в квартиру. Предутренняя тьма, сдавленная тишина спящей двухэтажки. Дом напротив погружен в сон, во дворе

пустынно, собак никто не выгуливает, и некому видеть, как подозрительный человек через клумбу крадется к окну, как открывает его... Экспертиза выяснит, каким образом он раскурочил раму, но уже ясно, что преступник проник в квартиру, не потревожив спящего хозяина. Возможно, хозяйка вышла ему навстречу, а он сбил ее с ног, поставил на колени и пустил в ход орудие убийства. Может, молотком ее ударил, может, обухом топора... Он держал ее за волосы, а когда она замертво упала на пол, отпустил их, и они накрыли мертвое лицо.

Возможно, преступник зарубил ее в постели вместе с мужчиной, с которым она спала. Сначала ее, потом его или наоборот. Мертвого хозяина он оставил в постели, а женщину отволок в зал...

Но вторая версия отпала после того, как я осмотрел пол. Не было на нем кровавых следов, тянущихся от кровати к месту, где сейчас находилась женщина. Но, возможно, преступник вытаскивал ее за волосы еще живую, чтобы затем забить до смерти. Может быть, на этом пути криминалисты найдут волосы, за которые преступник мог тащить на плаху свою жертву. Эксперт дядя Ваня – человек внимательный и дотошный, розыск иголок в стог сена для него – удовольствие. Но его здесь нет: оперативно-следственная группа только-только собирается выезжать. В квартире я один. И два трупа. Звонящая тишина, которую иначе, как мертвой, и не назовешь. Жутковатое, признаюсь вам, ощущение.

В гостиной на полочке стенного шкафа я заметил стоящий в рамке портрет новобрачных. Она – белокурая красавица с жемчужной диадемой в пышной свадебной причёске, он – внешне ничем не примечательный парень в темно-сером костюме. Платье у невесты с узким корсетным лифом, грудь полностью закрыта, но плечи целиком обнажены. А плечи красивые: нежная, чуть смуглая кожа, изящные ключицы...

Невеста нежно улыбалась, мило прижавшись щекой к подбородку жениха. Они стояли лицом к лицу, причем он выступал чуточку вперед, будто желал стать для нее каменной стеной от всех жизненных невзгод... Если этот парень сейчас лежал в спальне с разбитой головой, то можно сказать, что со своей задачей он, увы, не справился.

Я осматривал труп, когда лампочки в подвесном потолке замигали, а потом и вовсе погасли. За окном брезжил рассвет, но все равно комната погрузилась во мглу... Я вдруг вспомнил, как одно время в детстве меня преследовал один и тот же сон. Зимний вечер, я возвращаюсь с улицы, в доме темно, родителей еще нет. Я зажигаю свет в сенях, прохожу в горницу, щелкаю выключателем, но лампочка не загорается. Вместе с тем гаснет свет в прихожей. И ужас наваливается на меня, сдавливает со всех сторон, липкими холодными щупальцами вползает в душу...

Почти три десятка лет прошло с тех пор, и только сейчас я вспомнил свои детские страхи. Вроде бы и не робкого я десятка, но, признаться, стало не по себе.

У меня был фонарик. И я мог бы остаться в темной квартире до приезда оперативно-следственной группы. Хотя бы для того, чтобы не разочароваться в себе из-за этих глупых страхов. Подумаешь, трупы. И в том, что свет выключился, ничего удивительного нет: ветер на улице, провода на столбах изношенные... Но все же страх потянул меня к двери. А оправдание собственной слабости я нашел очень быстро. Место происшествия осмотрено, общая картина преступления составлена, и теперь я мог с легким сердцем выйти во двор и там уже дожидаться приезда оперативно-следственной группы, которая займется более детальной работой.

Дверь, открываясь, закрипела, и под этот звук из темноты лестничной площадки на меня выпало нечто. Душа подпрыгнула в груди, как брошенный в корзину баскетбольный мяч, и едва не свалилась в пятки.

– По сторонам нужно смотреть! – недовольно прозвучал высокий, приятный для слуха женский голос.

– А зачем так тихо ходить? – грудным своим баритоном выдал я.

– Ой, мамочки! – испуганно воскликнула женщина.

И отскочив от меня, как шарик для пинг-понга, бросилась к выходу из подъезда. Признаться, мне пришлось поднапрячься, чтобы сдвинуть с места потяжелевшие от волнения ноги.

Я нагнал ее во дворе, схватил за руку.

– Пусти!

Она истерично вырывалась, но я держал ее крепко.

– Милиция, уголовный розыск, капитан Петрович.

– Милиция?!

Женщина вздрогнула, в сильнейшем внутреннем напряжении вытянулась в струнку. И посмотрела на меня обезумевшими от страха глазами.

– Что-то с Ириной?

– С Ириной?!

Я потрясенно смотрел на нее, как две капли похожую на невесту с фотографии. Светлые густые волосы, гладко зачесанные за нежные маленькие ушки; высокий открытый лоб, как бы качающийся на возмущенной волне плотных, но истонченных бровей. Широкое лицо, высокие прямые скулы, большие выразительные глаза, волнующие очертания красивого носа, филигранный контур широких и сочных губ... Внешние достоинства этой девушки можно было перечислять до бесконечности, но в целом все сводилось к тому, что я не мог остаться к ней равнодушным.

На левой щеке ближе к уху я заметил тонкую, но глубокую и длинную полоску застарелого шрама. Впрочем, этот изъян ничуть ее не портил, во всяком случае, так мне казалось.

– А я думал, что вас убили, – с инфантильной какой-то улыбкой сказал я.

И с досадой подумал, что у этого бриллианта есть хозяин. Замужем она, если судить по фотографии...

– Меня?! Убили?! Вы в своем уме? – звонко возмутилась

девушка.

– Ну, там свадебный портрет, вы на нем и ваш муж...

– Какой портрет?!

– Так, спокойно! – Я вытянул вперед руку, будто ладонью отталкивал от себя оторопь. – Как вас зовут?

– Арина... Э-э, Арина Михайловна, – с поправкой на официальность повторила девушка.

– А в квартире кто? – повел я подбородком в сторону дома.

– Ирина. Сестра моя.

– Она – Ирина, а вы – Арина...

Ирина и Арина. Созвучие имен. Что из этого следовало?.. Я вспомнил своих соседей по дому, родителей двух близнецов. Мальчиков одевали в одинаковую одежду, а их имена мало чем отличались одно от другого – Игорь и Егор. Некогда было сейчас рассуждать, насколько глупо поступали родители, с рождения подавляя в детях ощущение собственной индивидуальности, и тем более делиться своими соображениями с Ариной.

– Вы сестры-близнецы? – рискнул предположить я.

– Да, а что? – взволнованно спросила девушка.

В ожидании ответа, она затаила дыхание и, сжав на груди кулачки, на цыпочках потянулась ко мне.

– Ну, как бы вам это сказать...

Я не хотел огорчать Арину, но тянул с ответом не только по этой причине. Как мужчина, я видел сейчас перед собой

красивую женщину, а, как оперативник, имел смелость подозревать ее в причастности к убийству. Почему Арина наскочила на меня в темноте, спускаясь с верхнего этажа? Что делала она там в столь ранний час?..

– Что с Ириной? Ее убили? – заламывая руки, спросила девушка.

Тревога и страх в ее глазах казались мне искренними, но я знал женщин, чуть ли в не совершенстве владеющих искусством перевоплощения.

– А это должно было случиться?

– Должно было? А что, случилось? – Она в предобморочном состоянии вцепилась мне в руку.

– Арина, скажите мне, вы живете вместе со своей сестрой?

– Нет... Я живу с родителями... А Ирина здесь живет, с мужем...

– А родители где живут?

– На Ярославской улице...

– Далековато будет. Если вы, Арина, живете на Ярославской улице, то что вы делаете сейчас здесь, на улице Волгоградской?

– Э-э, к сестре пришла... – замялась девушка.

– Так рано?

– Ну, ей скоро на работу, а мне спросить ее нужно...

– Значит, вы прилетели к ней на вертолете?

– Почему на вертолете?

– Потому что вы приземлились на крыше дома, а потом

через чердак спустились на первый этаж... В принципе, можно было воспользоваться парашютом...

– Какой вертолет? Какой парашют? Что вы несете? – взвилась девушка. – Что с Ириной? Мне нужно к ней, черт возьми!

Электричество уже вернулось в дом, и я видел свет в окне потерпевших. Это был желтый свет, Арине же я дал зеленый: не стал препятствовать ей. Быстрой и нервной походкой она пошла к сестре, а я, спохватившись, устремился за ней, чтобы удержать, не дать ей пройти в гостиную, где лежал труп.

Увидев тело сестры, Арины пронзительно вскрикнула и упала в обморок. Если бы не я, она бы растянулась на полу.

Вряд ли пятьдесят килограммов живого веса можно было назвать приятной тяжестью. Примерно столько весила девушка, но я с удовольствием взял ее на руки. Вынес во двор, посадил на скамейку, а свежий воздух быстро привел ее в чувство.

– Где я? – открыв глаза, истошно спросила она.

– Здесь вы, Арина, со мной.

– А Ирина где?... Мне же показалось, да, что это она там лежит!

Я внимательно наблюдал за поведением и мимикой девушки, но не находил признаков лицедейства. Она не играла, она действительно переживала кошмар наяву.

– Не знаю.

– Что вы не знаете? – Она недоуменно посмотрела на ме-

ня.

– Может, это вовсе не ваша сестра. Лица-то не видно...

Арина и сама знала, что произошло с хозяйкой квартиры, но все равно страшное значение моих слов снова вызвало у нее обморочный приступ. И мне пришлось обнять девушку, чтобы она не свалилась со скамейки. Мне приятно было ощущать тепло и нежность ее тела, но я бы назвал это удовольствием сомнительным. Обстановка не та. Вот если бы она лишалась чувств от их переизбытка к моей скромной персоне, тогда бы я мог порадоваться. А так приходилось скорбеть и сопереживать.

Обморок длился недолго. Арина открыла глаза, и я увидел в них боль и горечь утраты. Она ясно осознавала, что произошло.

– Может, все-таки в квартире не ваша сестра? – спросил я.

– Это Ирина... Точно она... У нее же моя фигура. Как я могу себя не узнать?

– Логично, – вынужден был согласиться я.

– Как же так! – сжав ладонями виски, качнулась на скамейке Арина. – Топором, по голове?

– Почему топором? – мгновенно среагировал я. – Откуда вы знаете, что топором?

– Я знаю?! – встрепенулась девушка. – Я не знаю!

– Но вы же сказали, что топором! – наседал я.

– Я сказала?! Ну, а разве не топором?

– Не знаю.

– И я не знаю... Ну, а чем еще, если не топором?.. Вы меня подозреваете? – ужаснулась Арина.

– Ну, как я могу вас подозревать? – сплутовал я. – У вас такие нежные и тонкие руки...

Для убедительности я провел пальцами по рукаву ее белоснежной ангорской кофты.

– Не надо! – рефлекторно, как мне показалось, отдернула она руку.

А может, она решила, что я собираюсь надеть на нее наручники?

– Я не знаю, чем ей разбили голову, – жалобным голосом проговорила девушка.

– И все-таки, Арина, что вы делаете здесь в такой ранний час? – неубежденный, покачал головой я.

– Говорю же, к сестре пришла...

– Со второго этажа?

– Ну, сначала поднялась на второй этаж...

– А когда услышали, что я открываю дверь, спустились ко мне, – продолжил я. – Но вы-то не знали, что это я выхожу. Это могла быть ваша сестра или ее муж. Кого вы учили по сторонам смотреть?..

– Я?.. Учила?.. – в растерянности, немигающе смотрела на меня девушка.

– Эх, Арина, Арина, что-то вы не договариваете, – осуждающе покачал я головой. – А дело, скажу вам, очень серьезное. Очень-очень...

– Да, я понимаю... А где Глеб? – обмерла вдруг Арина.

– А где он должен быть?

– Как это где? Он дома должен был быть!

– Вы в этом уверены? Может, у него дежурство какое-то...

– Какое дежурство?! Он не врач и не пожарный какой-нибудь. Бизнес у него свой, фирма строительная...

– А разве строители в ночную смену не работают?

– Ну, может быть... – пожала плечами Арина.

– Но вы-то уверены, что Глеб должен быть дома!

– Э-э, да... – растерянно кивнула она. – Я подумала, может, это Глеб с ней так...

– Если подумали, значит, были причины... Может, он же-ну свою ревновал?

– Ну, было немного...

– К кому?

– Да есть тут один... Только зря он ревновал: Ирина очень его любила. И не гуляла... Это я вам точно говорю.

– Дездемона тоже любила своего Отелло. И тоже не изменяла ему, – блеснул я красным словцом. – А каков итог?

– Значит, он ее убил?

Я не ответил, потому что увидел въезжающий во двор микроавтобус дежурной оперативно-следственной группы.

– Вы, Арина, здесь побудьте, а я сейчас.

Я отправился к машине, встретил следователя, в нескольких ярких штрихах обрисовал обстановку. Рассказал ему и об Арине, но, увы, свести его с ней не смог. Девушка куда-то

исчезла.

Глава 2

В темной прихожей пахло кошачьим пометом, гнилым мясом и хлоркой. На какой-то миг мне показалось, что в этой, а не в соседней квартире произошло убийство, после чего трупы какое-то время разлагались в тепле, а место происшествия затем обработали хлорной известью. Но больше всего меня расстроило, что хозяйка квартиры, сгорбленная годами старушка с беззубым ртом приложила к уху ладонь. Обоняние мое хоть и тонкое, но неприхотливое и, в общем-то, привычное к дурным запахам. Обидно было, что зря насилую его, ведь женщина глухая и толку от нее не будет. И все же я не отступился от своей затеи, смело закрыл за собой дверь.

– Меня интересуют ваши соседи по лестничной площадке! – громко сказал я и кивком головы показал влево, в сторону, где произошло убийство.

– Чего вы кричите? – искренне удивилась женщина.

И в ожидании ответа приблизила ко мне ухо, за которым, словно локатор, шевелилась раскрытая ладонь.

– Меня ваши соседи интересуют, – более тихим голосом повторил я.

– Какие?

Движением головы я снова показал в сторону злополучной квартиры.

– А-а! Ира и Глеб!.. А что-то случилось?

– Ну, можно сказать, что да, – тоскливо посмотрел я на старушку.

Уже весь дом в курсе, что произошло в квартире номер девять, а она ни сном, что называется, ни духом. И это при том, что лишь стенка отделяла ее квартиру от спальни потерпевших.

– Вы не кричите, не надо, – не отнимая ладони от уха, пальцем свободной руки укорила меня бабушка. – Так что там случилось?

– А вы разве ничего не слышали? Сегодня, в районе пяти утра, за стенкой никто не шумел?

– Нет... Я вообще хорошо слышу. И сплю чутко... В пять утра, говорите?.. Я сегодня ночью в четвертом часу встала, ни в одном глазу. Валерьянки накапала, думала еще часок бы прихватить, а не помогло. Мне тут капли Зеленина посоветовали купить, говорят, хорошо помогает. Как вы думаете, это лучше, чем валерьянка?

Отвечать на этот сумбурный вопрос я не стал.

– Значит, ничего не слышали?

– Нет, ничего... Может, все-таки скажете, что произошло?

– Убийство произошло. Соседей ваших убили.

– Да что вы такое говорите! – ахнула старушка, ладошкой прикрыв рот. – Обоих?

– Обоих.

– Топором?

– Почему топором? – взбодрился я.

– Ну, Костя грозился, что зарубит Глеба! – не моргнув глазом, ответила она. – Вот я и подумала...

– Какой Костя? – спросил я, вмиг забыв о дурных запахах.

– Ну, сосед наш. Костя его зовут. Его отец с моим сыном дружил, ох, и озоровали... А Костя нет, Костя тихий...

– Тихий, а Глеба зарубить грозился?

– Так в тихом же омуте черти водятся.

– Может, черти эти и выскочили сегодня наружу? Да с топором!..

– А что, между ними ссора произошла?

– Да, ругались они очень. На лестничной площадке стояли и кричали друг на друга. Я дверь открыла, слышу, а Костя говорит ему, что топор возьмет и по голове ему даст.

– А из-за чего сыр-бор был? – спросил я.

И та про топор говорила, и эта, только в одном случае опасность угрожала Ирине, а в другом – Глебу.

– Ну, как из-за чего? Из-за женщины! – воскликнула старушка, распрямив вдруг спину и округлив плечи. – Из-за чего еще дерутся мужчины?

– А они дрались?

– Не знаю... Но, может быть, сегодня... Жаль, ничего не слышала...

– А какую женщину они делили?

– Известно какую! Из-за Ирины скандал был!.. Костя был

ее парнем, а Глеб ее взял и отбил. Как у них это было, я не знаю, но Костя не смог смириться...

– Так, понятно. И когда он угрожал Глебу топором?

– Да недавно совсем.

– До свадьбы или после?

– После, конечно. Свадьба еще в прошлом году была. Меня, правда, не пригласили, ну да ладно...

– И как мне Костю найти?

– А зачем его искать? В нашем подъезде он живет, на втором этаже, в шестнадцатой квартире... Даже не знаю, чего он так злился. Ирина к нему домой ходила... – понизив голос, со скабрезной хитрецей сообщила старушка.

– Зачем? – простодушно спросил я.

– Ну, а то вы не знаете, зачем женщины ходят к мужчинам? – мягко взяв меня под локоток, с заговорщицкой доверительностью сказала она. – Я иногда в подъезде убираюсь, на втором этаже полы мыла. Недавно это было, смотрю, выходит от него, плащ нараспашку, юбка короткая-прекороткая, как у... Прости господи, что скажешь!.. Хоть бы поздоровалась...

– Ладно, разберемся, – озадаченно поскреб я пальцами небритую щеку.

Насколько я помнил, Арина считала свою сестру чуть ли не образцом супружеского благочестия, а тут вырисовываются особые отношения с замечательным соседом.

Покинув дурнопахнущую квартиру, я до предела напол-

нил воздухом легкие и с чувством выдохнул. И тому, что мое обоняние больше не страдает, радовался, и тому, что взял след.

С первого этажа доносились голоса – это за прикрытой дверью, в квартире номер девять следователь описывал под протокол трупы и обстановку вокруг них. А на втором этаже было тихо. Хотя бы какая собака за дверью гавкнула, почуяв чужака.

Было тихо и за дверью квартиры с номером шестнадцать. Я не торопился нажимать на кнопку звонка. Тихонько приблизился, приложил ухо к верхнему дверному полотну с потрескавшейся от времени краской. Тишина. Но я продолжал напрягать слух, и, как оказалось, не зря. За дверью послышался шум, как будто что-то упало, а затем – приглушенный мужской голос. Только тогда я дал о себе знать.

Но сколько ни давил на кнопку звонка, дверь оставалась закрытой. Видно, понял чижик, чей пыжик обчирикал. Понимает Костя, что соседи уже могли рассказать о его конфликте с погибшим Глебом, поэтому боится высовываться из квартиры. Затаился в ожидании, когда уедет оперативно-следственная бригада и вооруженный наряд. Вот когда все успокоится, тогда он и уберется отсюда. Во всяком случае, так думал я, и, пожалуй, небезосновательно.

Приложив ухо к двери, я услышал скрип половицы. Похоже, хозяин квартиры подкрадывался к выходу с другой стороны от меня. Тогда я снова нажал на кнопку звонка и, не до-

сдавшись требующейся реакции, шумно спустился на первый этаж, но тут же повернул назад и беззвучно поднялся на второй.

Дверь приоткрылась как раз в тот момент, когда я вплотную приблизился к ней. Если парень решил разведать обстановку, то я заставил его пожалеть о допущенной глупости. Просунув руку в дверную щель, в клещи, образованные большим и остальными четырьмя пальцами руки, я поймал крепкий мужской кадык. С продавливающей мощью продолжил движение вперед и прижал к стене высокого, довольно-таки крепкого на вид парня.

– Уголовный розыск, капитан Петрович!

– Вы... Вы не имеете права! – возмущенно прохрипел парень.

У него была мощная шея и могучие плечи, но он даже не пытался сопротивляться. Именно поэтому я и ослабил хватку.

– Ну как же не имею! Ты – вор, ты проник в чужую квартиру! – нахраписто наседал я.

– Это моя квартира!

– Ах, вот как!.. Тогда извини!

Не спуская с парня глаз, я отступил на шаг назад.

– Я буду жаловаться!

Он не был похож на классического жалобщика. Голова крупная, вытянутая сверху-вниз, такой же направленности был у него и взгляд черных глаз. Даже сейчас, зажатый в

угол, он смотрел на меня свысока. Нос широкий и длинный, как у человека, привыкшего идти напролом таранной галерой. Большой рот, массивная нижняя челюсть: первое удобно для захвата и удержания добычи, второе – для ее перемалывания. Руки сильные, как у палача, привыкшего к топору и плахе.

– Это мы уже проходили... – снисходительно хмыкнул я. – Ты Костя?

– Ну да, а что?

– То, что поговорить надо.

Я показал ему, чтобы он следовал в комнату с открытой двухстворчатой дверью: судя по всему, в гостиную, где удобно было вести допрос. Парень пожал плечами, но возражать не стал.

Я прошел за ним в комнату и слегка оторопел, увидев Арину. Она сидела в кресле, уныло сложив руки на сведенных вместе коленках, и смотрела себе под ноги.

– Та-ак! Это уже интересно!

Я кивком головы показал парню, чтобы он сел на заправленный диван, но сам остался в дверях, чтобы оттуда контролировать обстановку. Мало ли что придет на ум этому дуэту.

– Вот, значит, куда вы спрятались от меня, мисс... Или миссис?

Теперь я знал, что за девушка в распахнутом плаще и мини-юбке выходила из шестнадцатой квартиры. Обозналась, выходит, старушка. Хотя и не факт.

– Мисс... – спрятав глаза, угрюмо буркнул Костя. – Мы не женаты.

– А чего так? Нашел замену Ирине, так женился бы на ней. Или она не хочет?

– Хочет, не хочет – какая разница? Да и не замена это...

– А чего так небрежно?

– А это не ваше дело, капитан.

– Да, не ваше! – несмело возмутилась Арина, но, глянув на Костю, взбунтовалась по-настоящему. – Это мое дело! И для меня есть разница, собираешься ты жениться на мне или нет! Потому что ты мне надоел, и я от тебя ухожу!

Она очень эффектно изобразила праведный гнев, под парусами которого попыталась проскочить мимо меня. Но я твердой рукой преградил ей путь, не позволив покинуть комнату, а затем и квартиру.

– А вот уходить совсем не обязательно.

– Но мне нужно!

Она двумя руками взялась за мою руку, шлагбаумом перекрывающую дверной проем.

– А мне нужно задать вам несколько вопросов.

– Вызывайте повесткой, – отпустив мою руку, боязливо потребовала она.

– Повесткой вызывают свидетеля. А вы, Арина, увы, подозреваемая. И я имею полное право задержать вас и под конвоем доставить в отделение. Так же как и вас, гражданин...

Я сверлил Костю взглядом до тех пор, пока он не догадал-

ся назвать свою фамилию. После чего я обратился к Арине с тем же требованием. Он – Северьянов, она – Верховцева. Разумеется, чтобы установить истину по делу, этого было мало. Поэтому, дождавшись, когда Арина вернется в кресло, я продолжил разговор.

– Итак, первый вопрос, – обращаясь к парню, хлестко сказал я. – Почему вы, Константин, не открывали мне дверь?

– Э-э... Я не слышал, как вы звонили...

– Если вы знаете, что я звонил в дверь, то не могли не слышать. Стыдно, гражданин Северьянов, очень стыдно... Вы угрожали гражданину Сухнову расправой, вы угрожали зарубить его топором.

– Кто вам такое сказал? – побледнел парень.

– Было, я спрашиваю, или нет?

Я смотрел на Костю, пытаюсь обнаружить изъяны в его внешнем виде; прежде всего, меня интересовали следы крови на его руках и одежде. Искал, но ничего не находил, что, впрочем, не меняло моего представления о субъекте. Меня настораживало, что волосы у него были мокрые – видно, после душа. А футболка и спортивные брюки совсем свежие, как будто только что после стирки и глажки. Он мог избавиться от окровавленной одежды и перчаток, чтобы затем вымыться и переодеться в чистое. Одним словом, тщательный досмотр квартиры не помешает, но с этим спешить я пока не вправе. А надо было бы похозяйничать здесь, тогда, может, и орудие убийства обнаружится.

– Ну, было, – не глядя мне в глаза, угрюмо отозвался Костя. – Но это не я.

– Что не ты?

– Не я Глеба зарубил.

– А с чего ты взял, что его зарубили?

– Ну, как с чего? Арина сказала...

– А она откуда могла знать? – спросил я с таким удовольствием, с каким рыбак видит, как уходит под воду поплавок. – Я не говорил ей, что произошло с Глебом.

– Вы не говорили, а я сама видела, – подавленно сказала Арина. – Пока вы там, у автобуса были, я в квартиру заглянула. Глеб на кровати лежал, голова у него вся в крови...

– Во-первых, вы, девушка, зря это сделали. В квартире остались ваши следы, а это улика против вас. А во-вторых, с чего вы взяли, что Глеба Сухнова зарубили? Может, его тяжелым молотком, например, до смерти забили?

– Ну, может быть.

– А может, все-таки топор?

– Не знаю.

– А могу я взглянуть на этот топор?

– Вы что, издеваетесь? – с пугливым возмущением посмотрела на меня девушка. Откуда у меня может быть этот топор?.. Да и топор ли это?

– Топор? – пристально посмотрел я на парня.

– Да я откуда знаю!.. – протестующе воскликнул он. – И не надо нас путать... Не знаю ничего! И никого не убивал!

– Да, но расправой вы угрожали, – напомнил я.

– Угрожал... В том-то и дело, что угрожал! – вспылил Костя. – Поэтому и боялся вам дверь открывать! Знал, что на меня валить все будете!

– И чистосердечное признание требовать, – подсказал я.

– Да, и чистосердечное признание требовать.

– А может, лучше явку с повинной?.. Арина подтвердит, что ты был не в себе, когда шел убивать, а за убийство из ревности в состоянии аффекта много не дают. Отсидишь пять-шесть лет и вернешься домой. А так ведь пожизненное дадут. Тебе это нужно?

– Но я не убивал! – отчаянно мотнул головой парень.

– Да, но твое поведение кажется мне странным.

– Вот этого я и боюсь!

– Честное слово, он не убивал, – вступилась за него Арина. – Мы провели ночь вместе, и я могу подтвердить, что Костя не выходил из квартиры.

– Охотно верю, что эту ночь вы провели вместе, – кивнул я. – Но и ваше поведение, девушка, вызывает подозрения.

– И чем же оно подозрительно?

– Во-первых, вы скрылись с места преступления, – преувеличил я. – А во-вторых, живете с человеком, который любит вашу сестру и который, возможно, убил ее... Увы, но это дает мне право задержать вас, так же как и гражданина Северьянова.

Мне казалось, что допрос лучше продолжить в отделении.

Так будет эффективней, чем продолжать его в родных для Северьянова стенах. Поэтому я по телефону связался с начальником оперативно-следственной группы, вкратце изложил ему ситуацию и, получив добро, вызвал наряд.

Но в отделение отконвоировали только Северьянова. Верховцеву я оставил на съедение самому себе.

Определенно, Арина нравилась мне как женщина, но щадить ее я не стал. И опять же с согласия следователя провел в квартиру, где произошло убийство.

Труп ее сестры все еще лежал на полу в гостиной, но уже накрытый простыней. Судмедэксперт произвел первичное обследование и отписал его патологоанатому, а за телом вот-вот должна была прибыть спецмашина. Но даже под простыней покойница внушала Арине ужас. Девушка даже попыталась покинуть комнату, но я удержал ее и чуть ли не силой заставил сесть на диван. В расчете на то, что в присутствии мертвой сестры она не сможет мне соврать. Я поступал грубо и даже подло, оправдания своему поведению находил, но слишком уж хлипкими они мне казались, чтобы воспринимать их всерьез. И, тем не менее, допрос продолжался.

– Арина, что происходит? – спросил я, с упреком взывая к ней.

– Это вы у меня спрашиваете? – оторопело посмотрела на меня девушка. – Это я должна спросить у вас, что происходит!

– Но спрашиваю я. Потому что мне совершенно не нра-

вится позиция, которую вы занимаете по отношению к вашей сестре. У Константина был роман с Ириной?

– Да, был, – кивнула девушка, обморочным взглядом зацепившись за красное пятно на простыне.

– Тогда почему она вышла замуж за Глеба?

– Потому что влюбилась в него... Глеб и Костя дружили, но из-за Ирины разругались в пух и прах.

– Бывает.

– Так не должно было быть! – Арина всхлипнула и разрыдалась, закрыв лицо руками.

– Почему?

Ответа мне пришлось ждать довольно долго, но все-таки я его услышал.

– Потому что я была с Глебом. Ирина с Костей была, а я с Глебом... Я Глеба любила, а он полюбил Ирку! Разве это справедливо? – остервенело спросила девушка.

– Не знаю, справедливо это или нет, но меня это, признаться, удивляет. Вы же с Ириной похожи как две капли воды.

– Да, только капля бывает чистой, а может быть и с примесью!

– Не понял.

– А что тут непонятного?

С отчаянием отвергнутой, длинными акриловыми ногтями Арина царапнула себя по щеке в том месте, где ее перечеркивал хоть и не уродливый, но все же заметный шрам.

– Это я в детстве с лестницы упала, а там стекло... А это Ирка банку разбила, я знаю! Она во всем виновата!

Арина готова была разрыдаться вновь, но ее взгляд уткнулся в труп под простыней, и слезный всхлип застрял в горле.

– Ой, что же я такое говорю! – опомнившись, всплеснула она руками. – Не виновата она ни в чем! Сама полезла!.. Ох, и дура же я! Какая дура!

– Арина, я смертный, меня вы можете обмануть, – пошел я на хитрость. – Но у вашей сестры душа бессмертная. Она все видит и все слышит. Покайтесь перед ней, попросите прощения.

– В чем покаяться?

Я мог бы красочно разрисовать перед ней фабулу убийства. Константин Северьянов теряет любимую девушку, сама Арина – любимого парня. Один в отчаянии угрожает убить Глеба Сухнова, другая сходит с ума от ненависти к своей разлучнице сестре. Разбитые сердца сплачиваются в реваншистско-полюбовный союз, в итоге возникает и осуществляется заговор против счастливой пары.

Немного о деталях. Насколько я понимал, окно в квартиру Сухновых не было взломано. Значит, кто-то открыл его изнутри. Кто? Это могла сделать Арина. Может, осталась ночевать у сестры, а под утро открыла окно и впустила в дом Северьянова. Он, конечно, мог войти через дверь, но преступникам нужно было создать видимость разбойного нападения

со стороны. Поэтому Константин и проник в дом через окно и тем же путем покинул его. И орудие убийства унес...

Я постарался кратко выразить свою мысль.

– В том, что вы помогли Косте отомстить. За себя отомстить и за него.

– Кому он мстил? – уличаще сощурилась Арина. – Никому он не мстил... И я не собиралась мстить Ирке!

– Мне кажется, вы не до конца поняли, что происходит. Костя находится в отделении, сейчас он начнет давать показания. Он даст показания и против себя, и против вас. И эти показания будут отражены в протоколе. А это, Арина, уже статья.

– Но ведь он ни в чем не виноват... И я тоже... Да, я отомстила Глебу, но не так, как вы думаете...

– А как?

– Переспала с Костей... Вы думаете, почему я сегодня так рано встала? С Глебом хотела встретиться! Чтобы он видел, где я ночь провела. Стояла на площадке, ждала, когда он выйдет. Он обычно рано на работу уходит... Ждала его, а наскочила на вас... Так все глупо вышло, что слов нет...

– Я и говорю, что глупо все. Очень глупо. Сейчас Костя оговорит вас, и тогда вы, а не он окажетесь крайней.

– Крайней – это как? Я убила свою сестру? Вы хоть сообщаете, что говорите?

– Значит, все-таки Костя? – спросил я, изобразив полную уверенность в том, что убийцей может быть кто-то из них

двоих – или Арина, или ее любовник.

– Что Костя? – недоуменно посмотрела на меня девушка.

– Куда он топор дел, спрашиваю?

– Не знаю... То есть не было у него никакого топора. И не убивал он никого... И вообще, я больше не могу! Уведите меня отсюда!

Я и сам видел, что девушка находится на грани, поэтому вывел ее во двор на свежий воздух. Попытался посадить на скамейку, но Арина мятежно покачала головой.

– Я хочу домой, мне нужно к маме...

– Думаю, ваша мама сама скоро будет здесь.

– Да, наверное, – кивнула девушка.

И, обхватив руками голову, опустилась на скамейку. Я попытался продолжить наш с ней разговор, но, увы, она больше не желала отвечать на мои вопросы.

Глава 3

Полковник Гнутьев нервно постучал карандашом по глянцевої поверхности своего стола, выслушав доклад начальника уголовного розыска. Со стороны могло показаться, будто он передал наверх сообщение на языке азбуки Морзе, но я-то знал, что у него нет никакого желания отчитываться о совершенном преступлении перед высоким начальством, во всяком случае, до тех пор, пока оно не будет раскрыто. Но, увы, пресса уже раструбила о жестоком убийстве на весь город, и начальник ГУВД взял расследование под свой личный контроль, подключил к делу управление уголовного розыска. И городская прокуратура на ногах. Потому и нервничал Гнутьев.

– Плохо, очень плохо, что Северьянов не признается, – покачал головой начальник РОВД.

– Боюсь, что здесь много неясностей, – вздохнул майор Черепанов.

Мой бывший начальник майор Марцев ушел на повышение в сентябре прошлого года. На свою должность он рекомендовал меня, но после известных событий я в то время находился в госпитале с простреленным легким. На фоне общего истощения организма рана заживала плохо – долгое и сложное лечение, большой реабилитационный период. В общем, в строй меня вернули только в апреле этого года. А от-

дел кадров, как известно, пустоты не терпит. Поэтому, возвратившись в отдел, я обнаружил, что нахожусь в подчинении у нового начальника отдела уголовного розыска.

Впрочем, против Черепанова я ничего не имел. Семь лет в шкуре рядового опера на «земле» – дорогого стоит. И как человек он был вполне порядочный. Во всяком случае, поводов на него жаловаться он пока не подавал.

– Например?

– Обыск в его квартире ничего не дал, – начал было майор. Но Гнутьев довольно грубо его оборвал.

– А что вы там надеялись найти? Орудие убийства?

– Ну, было бы неплохо, – смущенный таким выпадом пожал плечами Черепанов.

– Дальше, – небрежным движением ладони позволил полковник.

– И следы преступника ведут в сторону от дома, где проживает Северьянов, – продолжил начальник уголовного розыска.

– Но где-то они обрываются?

– Да, следы теряются метрах в пятидесяти от дома, – кивнул Черепанов.

– Вот с этого места Северьянов мог повернуть назад. Или с того места, где он выбросил топор...

– Мы обследовали все мусорные баки в районе, – не очень уверенно сказал майор.

– Что вы там обследуете? Мусор вывозят по утрам. И то-

пор уже на свалке... А почему именно топор?

– Ну, может, молоток, – пожал плечами Черепанов.

– А может, бейсбольная бита.

– Не похоже. Битой такие раны не нанесешь. Там что-то тяжелое, металлическое, с жесткими углами. Или обухом топора убивали, или молотком...

Я присутствовал при разговоре, но, пока меня не спрашивали, молчал. Мою оперскую душу глодали сомнения. С одной стороны, я сам заподозрил Северьянова в убийстве и принял решение задержать его и доставить в райотдел. В этом я был как бы на стороне Гнутьева. Но не мог я и отворачиваться от аргументов, которые приводил Черепанов. Обыск ничего не дал, следов крови на теле подозреваемого не обнаружено.

Впрочем, можно было предположить, что Северьянов снял с себя грязную одежду и обувь, смыл кровь и переделался в чистое. И эта версия вполне имела право на существование.

– Я разговаривал с Северьяновым, он утверждает, что непричастен к убийству, – сказал Черепанов.

– Ну, мало ли кто и что утверждает, – скептически поморщился Гнутьев.

Он был бы и рад уличить Северьянова в убийстве и в срочном порядке отрапортовать наверх о раскрытом преступлении. Но для этого не хватало сущего пустяка – признания подозреваемого. Поэтому и злился полковник.

– Что скажешь, Петрович? – спросил начальник РОВД, обращаясь ко мне за поддержкой.

– Ну, Северьянов угрожал Сухнову, это факт, – совсем не весело сказал я. – И то, что не хотел открывать мне дверь... Ну, и сама история, которая предшествовала событиям...

– Что ты все нукаешь? – одернул меня полковник. – И мнешься, как институтка. Ты мне четко доложи, что думаешь по Северьянову, виновен он или нет?

– Думаю, что да.

– Так и говори, да, виновен, и надо с ним работать.

– Работать надо. Но я не исключаю, что Северьянов не виноват.

– Здрасьте вам от Насти!

– Улик у нас нет, только предположения. Угрозы – это всего лишь слова.

– Но Северьянов не просто угрожал. Он угрожал топором! И с пеной у рта!

– Кстати, о пене! – требуя к себе внимания, Черепанов направил указательный палец к потолку и зафиксировал его на уровне головы. – Заключение пока предположительное, результатов экспертизы еще нет, но я все-таки осмелюсь предположить, что у преступника наблюдалось обильное слюноотделение. На месте происшествия были обнаружены следы предположительно слюнной жидкости. Особенно много этих следов на месте гибели гражданки Сухновой...

– Слюна, говоришь? – Гнутьев подпер скулу большим

пальцем правой руки, выражая тем, как минимум, среднюю степень раздумчивости.

– Как у бешеной собаки, – прокомментировал Черепанов.

– Выходит, преступник был психически нездоров.

– Как минимум.

– М-да... Можно направить Северьянова на судебно-психиатрическую экспертизу.

– Да, но ему еще не предъявлено обвинение. И оснований для этого нет...

– Тогда чего вы здесь сидите? Искать эти основания, искать!

Гнутьев рассек воздух ладонью, будто рубил цепь, на которой сидели мы, сыскные псы уголовного розыска. Команда «фас» дана. Вперед, вперед!..

Из кабинета начальника мы с Черепановым выходили с достоинством. Но все же мне казалось, что нас действительно спустили с цепи. Вся моя оперская сущность требовала от меня немедленных действий, и начальник уголовного розыска не позволит мне засиживаться без дела.

– Ты давай займись Верховцевой, – сказал Черепанов, когда мы оказались в его кабинете. – Если все-таки виноват Северьянов, она должна быть в курсе всех его дел.

Я кивнул, соглашаясь и с его, и со своими суждениями. По идее, надо было бы задержать Арину заодно с ее парнем, но я все-таки позволил ей вчера уйти домой.

– Напутано там сильно, – продолжал Черепанов. – Два

парня, две сестры-близняшки, казалось бы, чего там делить. А нет, любили только одну, а другой только пользовались... Я бы на месте Арины очень сильно обиделся... Может, Северьянов совсем не виноват. Может, она кого-то наняла?

– Ага, истекающего слюной маньяка-убийцу, – скептически хмыкнул я.

– Может, маньяка... Может, и не она... Но ты ею плотно займись. Это сейчас твое главное направление... Да ты, я смотрю, не возражаешь, – хитро сощурился Черепанов.

– Ну, девушка она красивая.

– А ты у нас парень холостой.

– Таким и останусь...

Арина не могла не нравиться мне как женщина. Но при этом заводить с ней роман я пока не собирался. Мужчинам свойственно увлекаться и терять голову от женских чар. Может, Арина причастна к убийству, которое мы пытаемся раскрыть. Что, если она оболъстит меня, собьет с толку, а следствие – с верного следа?.. Хватит с меня Лидочки, которая в свое время помогала мне в поисках убийцы моего друга. Я думал, она мой союзник, и даже полез из-за нее к черту на рога, но, увы, эта девушка оказалась моим прямым врагом. Я едва не погиб из-за нее... Нет, с женщинами нужно быть очень и очень осторожным. К этому призывал меня и мой опыт, и моя холостяцкая интуиция.

Но, как ни предостерегал я себя от Арины, мне все же пришлось отправиться к ней домой.

Признаться, всю дорогу я упрекал себя за то, что смало-душничал, не взял девушку под стражу. Было же такое – оставил ее во дворе дома, чтобы встретить оперативно-следственную группу, а она не послушалась меня и скрылась. Так могло произойти и сейчас. Вдруг она сбежала, и сейчас находится где-то далеко-далеко от Черногайска.

Но волнения мои оказались напрасными: Арина была дома и открыла мне дверь по первому звонку.

В квартире, куда я попал, царило похоронное настроение. Зеркала тканью не завешены, часы не остановлены, но скорбь и тоска, казалось, витали в воздухе, увеличивая силу тяжести. Арина была одета в черное, и сама выглядела какой-то потемневшей. Глядя на нее, я чувствовал, как меня вдавливают в пол. А гнетущая тишина, казалось, давила на барабанные перепонки, вызывая звон в ушах.

– Я ждала вас, – грустно сказала девушка, пропуская меня в свою комнату.

Она закрыла за мной дверь, прошла мимо, слегка, едва ощутимо коснувшись меня плечом, села на одну из двух заправленных кроватей.

– Вы можете сесть сюда, – сказала она, кивком головы показав на единственный в комнате стул, занимавший свободное пространство между двух одинаковых тумбочек.

Я сел, осмотрелся. Комната, как комната. На стенах обои, декорированные под обрывки джинсовой ткани разных то-нальностей, над одной кроватью, где сидела Арина, висели

постеры голливудских фильмов с изображением Брэда Питта и рекламный плакат косметической фирмы с красивым, но густо загримированным женским лицом.

Плакаты висели и над второй кроватью, но несколько иного, остроумного и даже, можно сказать, интеллектуального формата. Взрослый человек в желудке на рентгеновском снимке и надпись: «Даже если вас съели, у вас всегда есть два выхода». Раскрытый рот курящего человека с сигаретными окурками вместо зубов. И, наконец, отрубленная голова с большими ушами, лежащая у плахи затылком к зрителю. Затылок не обычный, раздвоенный и дважды закругленный снизу, наводящий на мысль о заднице с ушами.

Арина заметила, куда направлен мой взгляд.

– Это Ира повесила. Ей нравилось... – с тусклой улыбкой сказала она.

– И жить ей тоже нравилось. Но, увы...

– Но я здесь точно ни при чем! – порывисто мотнула головой девушка. – И Костя тоже.

– Тогда кто мог убить вашу сестру?

– Даже не знаю, кто мог это сделать.

– Мы тоже не знаем, но пытаемся это выяснить.

– Да, и действуете при этом очень примитивно. Брошенные любовники мстят счастливой паре. Все очень просто. А вы даже не пытаетесь выяснить, мог, например, Костя убить человека или нет? Он вообще кого-нибудь в этой жизни убивал? Спросите меня, убивал? – разгорячилась Арина.

– Спрашиваю.

– Мы за столом сидели, а на стол паук с потолка упал. Я тапок сняла, чтобы его прихлопнуть, а Костя меня удержал. Нельзя, говорит, убивать.

– Правильно, нельзя, – кивнул я. – Примета плохая – паука убить.

– Да при чем здесь примета? Он сказал, что паук – такая же Божья тварь, как и мы все. И еще сказал, что если мы его убьем, то ничего не изменим...

– Правильно, какой в том толк – паука убить? Ведь он же вам ничего плохого не сделал. Подумаешь, на стол упал. Не со зла ведь. Отмахнулись и забыли. А убийство из ревности – совсем другое дело.

– Да Костя курице голову отрубить не смог бы. Он рассказывал, как в деревне гостил, курицу, говорят, зарубить нужно, а он ни в какую. Жалко, говорит... И еще он компьютерные стрелялки не любил, потому что там убивать нужно. Он больше стратегии любил...

– Увы, но это не аргумент.

– А что аргумент?

– То, что Костя угрожал Глебу расправой.

– Ну, мало ли что сгоряча скажешь! Разве у вас такого не было? Сначала гадостей человеку наговоришь, а потом извиниться хочется.

– А он извинился перед Глебом?

– Я могу сказать, что извинился, но ведь вы не поверите!

– Я верю в то, что вы, Арина, очень рьяно защищаете своего Костю. Аж завидно становится. Меня бы вы так не выго-
раживали.

– А я вас не знаю, – сердито исподлобья глянула на меня
девушка.

– И смотрите на меня, как на врага. Впрочем, я это заслу-
жил...

Арина громко промолчала. «Да, заслужил», – читалось в
ее глазах.

– А у вас, я так понимаю, с Константином большая лю-
бовь, – сказал я, провоцируя девушку на ложь во спасение.

Ведь она говорила, что любит Глеба, а с Костей спала из
мести. Я хорошо помнил это и готов был напомнить ей, если
она оговорится. Но Арина не позволила уличить себя.

– Да какая там любовь! – удрученно махнула она рукой. –
Ну, сошлись два брошенных одиночества. Я знала, что он не
любит меня, я знала, что не нужна ему...

– Но, тем не менее, вы с ним жили.

– Ну, в какой-то степени. Иногда на ночь оставалась...
Знаете, я его не любила, но, если честно, было обидно, что
он заиклился на Ирке. Ведь я ничем не хуже.

– Охотно верю.

– Этот проклятый шрам! – вспыхнула, но тут же погасла
она.

– Боюсь, что это вы, Арина, заиклились на своем шра-
ме... Поверьте, если мужчина любит, шрамы его не смуща-

ют...

Я мысленно задал себе вопрос, может, было в Ирине что-то такое, чем не могла блеснуть Арина. О том, что сестры отличались друг от друга, можно было судить по тем же постерам на стенах. Я не мог утверждать, что Ирина была более глубокой и тонкой натурой, хотя мысль об этом все же исподволь напрашивалась. И голливудскими секс-идолами она не интересовалась так открыто и ревностно, как это делала ее сестра... Несложно было объяснить интерес Арины к таким гламурным ценностям, как дорогая косметика. Может, шрам на щеке и не уродовал ее, но все-таки она стремилась к тому, чтобы загримировать его. И все же рекламный плакат на стене заставлял задуматься об ограниченности ее мышления. Возможно, Ирина была яркой личностью, индивидуальностью, Арина же – типичный продукт гламурного полураспада.

– Но тогда почему всем нужна была Ирка, а не я?

Я молча развел руками. «Не мне об этом судить», – всем своим видом давал понять я.

– Но если честно, с ней было интересно, – опустив голову, призналась Арина. – Она и училась хорошо, и читала много. Но только не подумайте, что Ирка была синим чулком, совсем нет. Она и шутить любила, и одевалась модно, я бы даже сказала, со вкусом... Но ведь и я не дура, правда? – с затаенной надеждой посмотрела на меня девушка.

– Нет. И одеваетесь со вкусом, – кивнул я.

– Да, но я вам почему-то не нравлюсь, – сказала она и с досады закусила губу.

– С чего вы это взяли? – с наигранным возмущением спросил я. – Потому что слюнки на вас не текут?

– Нет, – выпятив нижнюю губку, качнула она головой. – Но я же вижу... Только вы ничего не подумайте! Мне совершенно все равно, нравлюсь я вам или нет.

– Но все же вам интересно, как я на вас реагирую. Кстати, о слюнках! У Кости слюнки на вас не текли?

– В каком это смысле?

– В прямом. Слюни изо рта у него не стекали, когда он, Арина, смотрел на вас?

– У вас все дома? – недоуменно повела бровью девушка.

– А на Ирину у него слюна не капала?

– Вам лечиться надо... Хотя... – запнувшись, взяла паузу девушка.

– Что хотя? – заинтригованно спросил я.

– Вообще-то, в моей жизни был один такой индивид. Смотрит на меня, а у самого слюна с губ стекает. И еще целоваться лезет! Брр! – брезгливо передернула плечами Арина.

– И что же это за индивид такой?

– Да это вам не интересно.

– Мне сейчас все интересно.

– Ну, он в Запалихе живет.

– Это где?

– Ну, село такое, Запалиха. Это у нас, на Оби, вверх по те-

чению, не очень далеко отсюда. Там у меня бабушка живет...

– А ты у бабушки, значит, гостила.

– Да, недавно была. У него дом возле самой реки. Большой дом, красивый. Там Гарик и живет... Ухлестывал за мной, только бесполезно.

– Почему?

– Потому что у него с головой проблемы.

– Насколько большие?

– Настолько, насколько сама голова большая. Голова большая, а ума с наперсток. В общем, типичный даун!

– Болезнь Дауна?

– Ну, не совсем классический вариант. Внешне он, в принципе, нормальный. В смысле, мало чем от обычных людей отличается. Разве что на внешность... э-э, ну, не красавец, мягко говоря. Хотя и не совсем урод, ну если со стороны посмотреть. А пообщаешься, так сразу ясно, что ума у него палата номер шесть.

– И в чем это выражалось?

– Привет, Гарик я! – передразнивая, сгустила и опустила голос Арина. – Ы-ы, а-а! Вот и весь разговор. И еще смотрит, как будто с потрохами сожрать хочет. Я когда с ним ехала, все про этот плакат думала, – кивком головы показала она на человека в разрезе желудка.

– Куда вы с ним ехали?

– Ну, он меня по дороге подобрал. Мы со станции ехали, автобус сломался, а он мимо проезжал. Увидел меня, назад

сдал. Привет, Гарик я! Ы-ы, подвезу, гы-гы! А глаза дурные! Жарко было, солнце как сумасшедшее палило! Если бы не это, я бы к нему ни за что не села.

– Но ведь села.

– Ну да... Джип у него крутой, «Инфинити». Есть такие бегемотистые, а этот нормальный, только больше раза в полтора. Огромный такой! Черный, блестящий! – в состоянии, близком к восторгу, сообщила Арина.

– А дом у него какой?

– Большой! – в том же духе ответила она. – На замок похож. Башенки там, шпили... Но я там не была.

– Не приглашал?

– Ага, если бы просто приглашал! За руку тянул, ели вырвалась!.. За руку схватил, губы ко мне тянет, а у самого слюни до колен. Брр!.. Вспоминать противно. Да и не нужно вам это.

– Ну, это еще как сказать, – реверсным движением головы выразил я свое несогласие.

– Как хотите, так и говорите, а я лучше помолчу. Я из-за этого идиота раньше времени домой уехала...

– А он не мог за вами поехать?

– За мной? Зачем ему это? – задумалась Арина.

– Вы же сами говорили, что взгляд у него был такой, будто он съесть вас хочет. Порубить топором на кусочки и съесть!

– Топором? На кусочки? Вы в своем уме?.. Топором?! Ой! – озаренно распахнув глаза, девушка прикрыла рот ла-

дошкой, чтобы приглушить вырвавшийся возглас.

– Значит, мог поехать за вами?

– Вы думаете, это Гарик убил Ирину?

– А он способен на это?

– Да запросто! Такой все может!

– А зачем ему нужно было убивать Ирину? Она-то ему чем насолила?

– Он мог принять ее за меня!.. Я когда домой вернулась, Ирка у нас жила, ну, в нашей комнате. Глеб в командировку на неделю уезжал, а она у нас пропадала... Может, он ее за меня принял?

– Давно вы вернулись?

– Ну, дней десять назад.

– А точнее можно?

– Зачем вам это? – пытливо и с подозрением посмотрела на меня Арина. – Что-то я вас не пойму, вы серьезно спрашиваете меня или издеваетесь?

– Почему издеваюсь?

– Вам же Костю нужно посадить. Зачем вам Гарик? Дуру из меня делаете?

Не знаю, как к Арине относились Северьянов и Сухнов, но мне она не казалась глупой, во всяком случае, логическое мышление у нее было развито хорошо, а это главный признак интеллекта, который люди малосведущие отождествляют с банальной эрудицией.

– Дело в том, что на месте преступления обнаружена слю-

на, которую оставил преступник. Я бы назвал это обильным слюноотделением.

– Ну, а чего вы раньше молчали? – возмущенно и с чувством облегчения спросила девушка. – Ну, конечно, это Гарик! Он когда волноваться начинал, у него слюна ручьем текла. Как будто он мутант какой-то, а не человек...

– Почему именно мутант?

– Ну, не знаю, – замялась Арина. – Я кино недавно видела, про мутантов, там у одного слюни по колено... А может, он правда мутант? Он, говорят, откуда-то из Казахстана приехал, а там полигон Семипалатинский, где ядерные бомбы испытывали. Может, он оттуда?

– Этого я не знаю.

– Да я в шутку. Так, заморочные фантазии...

– Арина, вы Гарика и раньше знали? Или только этим летом с ним познакомились?

– Этим летом... А вообще, он в Запахихе недавно появился, в прошлом году, говорят. А я два года там не была. Поэтому только в этом году с ним познакомилась. Вернее, он со мной... Я спрашивала у людей, откуда он, так никто ничего толком не знает. Из Казахстана, говорят. А почему из Казахстана? Да потому что на казаха похож?

– Он правда на казаха похож?

– Ну, в глазах что-то есть, совсем чуть-чуть. Лично мне кажется, что он на русского больше похож, чем на казаха. Волосы светлые, сам здоровенный, руки сильные. Он меня

за руку схватил, так синяк только-только сошел... – Арина провела пальцами по правому запястью, в том месте, за которое держал ее слюнооточивый Гарик.

– Значит, дом у него большой, с башенками.

– Большой. Там холм у реки высокий, с кедрами, так дом на самой вершине стоит. Особняк. И сам Гарик особняком живет, ни с кем, говорят, не общается.

– К местным девкам не пристаёт?

– Да нет, сторонится... А ко мне зачастил. Бабушка его даже шайтаном окрестила. А бабушка моя так просто человека не обзовет. Что-то нечистое в нем, и взгляд дурной. И слюна как у бешеного пса... Если слюна там, в квартире у Иры была, то это его слюна. Я уверена в этом!

– Тогда, может, скажете, когда вы вернулись в Черногайск из деревни?

– Да не деревня это, а село... Впрочем, какая разница?

Арина задумалась. Какое-то время она загибала пальцы, перебирая в уме даты, а затем сообщила, что вернулась домой в среду, шестнадцатого июля. А в ночь с двадцать восьмого на двадцать девятое этого же месяца погибли Ирина и ее муж.

– Вы, Арина, говорили, что Гарик мог выследить вашу сестру.

– Да, мог.

– Но тогда он не такой уж умственно отсталый, как вы о нем говорите, – сделал я вывод.

– А шакалы тоже не отличаются большим умом, – с легкостью парировала она. – Но это не мешает им быть хитрыми и удачливыми, и еще они хорошие охотники...

– Логично... Ну а вы тогда какой охотник?

– Признаться, никакой.

– Из этого следует, что машину Гарика вы в окрестностях вашего двора не видели.

– Машину Гарика? «Инфинити»? – встрепенулась Арина. – Ну почему же, видела! Она в соседнем дворе стояла! Точно такой же джип, как у него. Но тогда я и подумать не могла, что это может быть его машина!

– А номер у этой машины был?

– Был... Только я не знаю, – смутилась девушка. – То есть не обращала внимания... А это плохо?

– Да ничего страшного, – качнул я головой. – У вас там, в Запалихе, участковый есть?

Арина подавленно кивнула.

– А с бабушкой связаться можешь? Телефон у нее есть?

– Есть.

– Она может узнать телефонный номер участкового?

– Может.

– Тогда ты должна нам помочь. Нужно узнать этот номер и позвонить мне.

Озадачив девушку, я отправился в отделение и уже на месте сообщил начальнику о добытой информации. Черепанов доложил по команде Гнутьеву, а вернувшись, велел мне со-

бираться в дорогу.

– Не знаю, может, эта твоя Арина сказок тебе наплела и нет там в деревне никакого слюнтя. Но тем хуже для нее. Если наврала, припррем к стенке...

– А если не наврала?

– Тогда делай, что хочешь, но возьми образец слюны этого дегенерата.

– Лодыжку ему покажу, – в шутку сказал я. – Глядишь, возбудится и пустит слюну.

– А если в лицо плюнет? – тем же тоном спросил Черепахов.

– М-да... В принципе, тоже результат.

– Командировочное оформишь, номер оружия не забудь вписать.

– Плавали, знаем.

Опер без табельного оружия – что деревянный дом без страховки. Будет при тебе пистолет, ничего не случится, а не окажется – обязательно запыляется, по закону подлости. Правда, бывает, что и с оружием возникают проблемы, и порой очень серьезные. Только за прошлый год в моем суетном теле раз за разом побывало две пули. И не будь при мне тогда оружия, меня бы просто-напросто добили, как загнанную лошадь.

Я оформлял командировочное предписание, когда мне позвонила Арина и сообщила, что узнала телефонный номер участкового.

– Спасибо, но я сам в Запалиху еду, – невесело сказал я. – Как туда лучше добраться, парходом, поездом или на машине?

– Поездом глухо. Можно на теплоходе, так даже удобней. Но долго... Бабушка к нам теплоходом отправляется, там вниз по течению скорость больше. И все равно долго... Но нам сказали, что похороны не скоро будут...

Я промедлил с ответом, не сразу осознав, о каких похоронах идет речь. Но сейчас я уже понимал, что бабушка едет хоронить внучку. А труп криминальный, пока проведут все исследования, пройдет неделя, а то и две. Так что и бабушка успеет приехать, и я – обернуться.

– Но если вы спешите, то лучше на машине. Километров триста надо ехать, правда, дорога не очень.

– Ничего, у меня внедорожник.

– Какой? – не удержалась от любопытства девушка.

– Мне нравится.

Свою старушку «Тойоту» я сгубил в таежной глуши еще прошлым летом. А недавно взял машину помоложе, но отечественного производства и с расчетом на бездорожье в будущем. Этой весной моей двухдверной «Ниве» исполнилось одиннадцать лет, но выглядела она вполне прилично. И стоила относительно недорого. Кузов и ходовая часть в отличном состоянии, а вот движок и коробка передач требовали капитального ремонта – пришлось еще потратиться, чтобы заменить и то, и другое. Зато сейчас машина работает как

единый, хорошо отлаженный механизм: все винтики на месте, шестеренки крутятся. И неплохо было бы испытать ее автопробегом по бездорожью.

– А мне понравится? – с кокетливыми нотками в голосе спросила Арина.

– Не знаю.

– Не знаете или все равно?

– Не знаю.

– А говорите, как будто вам все равно, – теперь в ее голосе звучали капризные нотки.

– Да нет, не все равно. Просто я сам еду.

– А может, меня возьмете? Я и дорогу знаю, и у бабушки в доме можно пожить.

– Э-э, ну я не знаю... – замялся я.

– Что вы не знаете?

– Удобно это или нет, вас братъ?

– Мне удобно... Тут тоска такая, что хоть плачь. А так хоть развеемся можно... И этого козла найти надо, который с Ирой так!..

– Ну, не знаю, тот это козел или нет, но проверить надо. Выезд завтра, в шесть утра. Заеду за тобой домой... Ничего, что я на «ты»?

– Да не парься, нормально все, – развеселилась Арина.

Признаться, мне и самому хотелось прокатиться на своей новой машине с красивой девушкой. Но, все же, спрятав трубку в карман, я еще долго чесал затылок, где копошились

сомнения.

Глава 4

Диван и картину я оставил дома, саквояжа, корзины и маленькой собачонки у меня не было, а вот чемодан я с собой прихватил. Туалетные и бритвенные принадлежности, мазь от комаров, швейный набор, полотенце, две смены нательного белья и армейский камуфляж. Мало ли что может произойти в пути, может, промокну до нитки, а переодеться будет не во что. А может, разведку местности придется провести, скрытным маневром подобраться к дому, где живет подозреваемый? По той же причине я прихватил с собой и кевларовый бронежилет. Вдруг придется вступить в огневой бой, а пули, знаете ли – штука и неприятная, и к тому же весьма болезненная. Кожаную куртку я надел на себя, а свитер с высоким воротом и пару шерстяных носок сунул в чемодан, туда же бросил пару бутылок водки, с десяток банок мясных и рыбных консервов, остатки моего холостяцкого набора для быстрого приготовления пищи. Дождевик и резиновые сапоги я уложил в багажник. Там же нашлось свободное место для матраца с постелью, одеяла и подушки. Мало ли, вдруг в машине придется спать, в таком случае хоть какое-то удобство себе обеспечу. Ради того же комфорта я прихватил с собой чайник, работающий от автомобильной розетки, примус, кофе, сахар, три пластиковые баклажки с водой. Туалетная бумага, влажные салфетки, личная ап-

течка, скотч, шахматы, спиннинг, фонарик со сменой батареек, бинокль, короткий тесак с прямым клинком, топорик, саперная лопатка... В общем, забил всякой всячиной весь багажник.

Я прекрасно понимал, что все эти вещи могут мне понадобиться и в пути, и в работе. Но все же я почувствовал себя посрамленным, когда увидел Арину, которая выходила из дома с небольшой спортивной сумкой в руках. Минимум вещей и одежда отнюдь не походная – легкая кожаная курточка поверх короткого шерстяного платья, лосины, туфли на высоком каблуке. Как будто не в глушь алтайскую ехала, а в Милан на симпозиум фотомоделей. Может, она поступала глупо, столь легкомысленно подготовившись к дальнейшему путешествию, но я не хотел, чтобы она заглянула в битком набитый багажник. Сквалыгой, может, вслух и не назовет, но подумает.

Впрочем, ее интересовало не столько содержание, сколько форма машины. Судя по ее разочарованной недоулыбке, она рассчитывала увидеть джип иностранного производства и, как минимум, среднеценового формата. А ее ждала темно-зеленая «Нива» с относительно хорошим, но безусловно грязным кузовом. Так уж вышло, что позавчера был дождь, а помыть машину я не успел. Да и сегодняшнее утро не обещало ясного дня. Ветер нагонял на город тучи, прохладу и тоску.

– Ну что, ударим автопробегом по бездорожью? – чтобы

взбодрить девушку, спросил я.

– На этой «Антилопе»? – принужденно улыбнулась она.

– Другой нет.

– Да и не надо...

Она взялась за дверную ручку, но, прежде чем потянуть ее на себя, набрала полные легкие воздуха. Как будто на подвиг шла. И еще она отдала мне сумку – с таким видом, будто сдавалась мне на милость.

Сумку я положил на заднее сиденье, забрался в машину, завел двигатель. Вместе с тем заработал и приемник, салон наполнила энергичная волна танцевальной музыки.

– Неплохо, – сказала Арина, ерзя в кресле, будто на прочность его проверяла.

– Да не жалуясь.

Прежний хозяин свою машину любил, заботился о ней. Чехлы на сиденьях из мягкого и прочного кожзаменителя, импортная автомагнитола, четыре акустические колонки, самодельный подлокотник между передними сиденьями, аккуратные резиновые коврики под ногами. Еще под зеркалом заднего вида болтался компьютерный диск, но я убрал эту безделушку, сменив ее на более ценную вещь. Теперь на этом месте у меня болтались самые обыкновенные мини-наручники, сковывающие человеку не запястья, а большие пальцы рук.

– Сразу видно, милицейская машина, – с милой улыбкой, но вместе с тем озадаченно посмотрела на меня Арина.

– Какая есть... У Гарика лучше была, да?

– Ну, может, и лучше, но не милицейская... И сам он козел!

– Тоже козел или вообще? – шутливым тоном спросил я, отпуская сцепление.

– Нарываешься на комплимент? – сквозь насмешливый прищур глянула на меня девушка.

– Нет. Нарываюсь на занимательную историю о Гарике. Сведений о нем у меня мало, было бы неплохо расширить познания.

– А можно, твой рабочий день начнется в девять часов? – закрывая глаза, спросила она.

– Намек понял.

Арина собиралась показывать мне дорогу, но, вместо этого, заснула, склонив голову к передней панели. Впрочем, в каком направлении мне ехать, я знал и сам. Карта автомобильных дорог лежала на заднем сиденье, и взять ее не составляло никакого труда.

Я остановил машину, вынул из багажника подушку и одеяло, опустил спинку пассажирского кресла и обуютил автомобильный быт своей спутницы.

За городом «Нива» попала в полосу дождя, и я невольно поежился, вспомнив, как тонул прошлым летом в русле размытой ливнем таежной дороги. Это была инстинктивная и к тому же легкая оторопь. Сейчас я точно знал, что бояться нечего. Под колесами не самый ровный, но стандартно твер-

дый асфальт, и Обь не выйдет из берегов, чтобы залить его и превратить в бурлящий поток.

Машина четко держала дорогу, двигатель работал без сбоев, а спустя время тучи на горизонте разошлись, образовав светлую прогалину, через которую в землю воткнулись копы солнечного света.

Но вдруг оказалось, что и солнце меня не радует. Слишком хорошо все: и погода налаживается, и девушка красивая в попутчицах, и багажник – полный воз. Расхолаживает такая обстановка, притупляет интуицию, а ведь я не на прогулку еду. Если нужный мне Гарик и есть убийца, то шутки с ним плохи. Может, он псих и маньяк, но голова у него соображает и рука твердая. Ведь и жертву он выследить смог, и в дом к ней забраться. И рука не дрогнула, когда убивал...

– О чем задумался? – спросила Арина.

Она уже не спала и, приподнявшись на локте, смотрела на меня из-под челки, спускавшейся на глаза.

– Думаю, нам обратно повернуть надо.

– Что-то забыл?

– Да. Тебя высадить.

– Не поняла!

– Не боишься в Запалиху ехать? Сама же оттуда сбежала... Или не сбежала?

– Сбежала. От Гарика.

– А он за тобой поехал. И сестру твою убил... Должен был тебя убить, а досталось ей.

– И что? – спросила девушка, лихорадочно нащупывая рычажок под сиденьем, чтобы поднять спинку кресла.

– Ему нужна твоя смерть. И если ты окажешься в Запа-
лихе, он может исправить свою ошибку. Во всяком случае,
попытается это сделать, – предположил я.

– Я... Я боюсь... Мне страшно... – дрожащим голосом
пробормотала она.

– Ну что, разворачиваемся?

– Не надо.

– Почему?

– А вдруг он еще в Черногайске? Вдруг он за мной охотится?

Я машинально бросил взгляд в зеркало заднего вида – не гонится ли за нами черный и блестящий джип «Инфинити». Но за мной ехала только серая «девятка» с белым капотом и старый «КамАЗ» с перекошенной кабиной.

– Если он охотник, то мы в самое логово едем.

– Да, но я с тобой. У тебя же оружие есть, да?

– Есть.

– Покажи.

Я сунул руку под куртку, щелкнул пальцем предохранительный клапан кобуры, вынул новенький «ПММ», результат перевооружения, которое, наконец-то, коснулось нашего РОВД.

Чтобы ни говорили злые языки про «ПМ», но даже зарубежные эксперты признали его лучшим пистолетом XX ве-

ка в своем классе наряду с «береттой», «вальтером», «браунингом» и «астрой». Компактное оружие, надежное, простое в эксплуатации. Но есть, конечно, и недостатки – малая дальность и недостаточная точность стрельбы, невысокая эффективность пули, опять же недостаточная емкость магазина при существенной общей массе. Разработка модернизированной версии призвана была устранить эти недостатки. Недостаточную дульную энергию увеличили за счет высокоимпульсного патрона. Емкость обоймы повысилась с восьми до двенадцати единиц. Но вместе с тем, хоть и на чуть-чуть, пистолет прибавил в массе, длине и ширине. Форма рукоятки изменилась на более удобную, из-за чего пистолет стал более прикладистым и удобным при стрельбе навскидку. Из-за возросшей мощности патрона увеличилась и резкость отдачи, хотя по этому показателю «ПММ» и не стал хуже большинства западных аналогов с тем же пробивным и останавливающим действием пули.

Увы, но этот новый пистолет так и не избавился от болезней старого. Невысокая точность стрельбы так и осталась явной в тактико-технических характеристиках этого оружия. А из-за сложности в конструкции магазина ухудшились условия снаряжения магазина. Аккуратней нужно теперь заряжать обойму, чтобы из-за грязи не возникла задержка в подаче патронов.

В общем, к новому пистолету нужно было привыкнуть. И не мешало бы опробовать его в боевых условиях. Но так,

чтобы выявленные недостатки не привели к летальному исходу. Тьфу-тьфу три раза через левое плечо...

Хорошо, что у меня нормальная, леворульная машина, а то бы Арина могла подумать, что я сплюнул на нее. Японцы и англичане в этом плане, видимо, недостаточно воспитанный народ, иначе бы они в своих автомобилях не стали устанавливать руль справа. А может, они сплевывают через правое плечо? Или отгоняют чертей как-то по-другому?..

– А можно в руках подержать? – спросила спутница.

Я кивнул и, вынув обойму, протянул ей пистолет.

– Хороший.

Я думал, она возьмет его в руки, чтобы изобразить малошумно-фыркающий выстрел. Но Арина уложила пистолет на одну ладонь и столь умильно погладила его пальцами другой, что мне самому захотелось оказаться на месте пистолета.

– Лучше не бывает. Когда в сторону врага направлен, – сказал я, забрав у нее оружие.

В конце концов, это не пупсик, чтобы его гладить. Еще бы в платок пистолет завернула и, прижав к груди, спела ему «баю-баюшки-баю»... А может, я ревновал Арину к своему «ПММ»?

– А когда ствол на тебя смотрит, то проклянешь человека, который придумал огнестрельное оружие, – с насмешкой сказал я, сунув пистолет в кобуру. – Если успеешь...

Как-то я слушал разглагольствования одного умника, который всерьез считал, что пистолет Макарова не оружие, а

что-то вроде аксессуара для сотрудника милиции. Хотел бы я посмотреть на него в тот момент, когда он окажется перед лицом вооруженного бандита без этого «аксессуара»... Уж я-то на своей шкуре прочувствовал, что в ближнем бою «макарову» цены нет. Для дальнего боя этот пистолет просто не приспособлен, но винить его в этом так же глупо, как пристыдить обычную курицу за то, что ей не дано снести золотое яйцо.

– А у Гарики может быть пистолет? – спросила девушка.

– Ты про него больше знаешь. Тебе видней...

– Думаю, оружие у него есть. Ружье, как минимум. В Запалихе у всех охотничьи ружья есть. Ну, почти у всех...

– А у твоей бабушки?

– Есть. От дедушки осталось.

– Значит, и сама бабушка одна осталась?

– Да. Она сегодня утром на теплоход сесть должна, в доме никого не будет. Все в нашем распоряжении...

– Может, я все-таки тебя домой в Черногайск отвезу?

– Нет, мне с тобой спокойней...

– Поверь, я обычный опер, и уж точно не семи пядей во лбу. И твое спокойствие может быть всего лишь иллюзией безопасности.

– Иллюзия тоже греет...

Какое-то время мы ехали молча, а потом я спросил, сколько лет Гарику.

– Не знаю, – задумавшись, пожала плечами девушка.

– А примерно?

– В том-то и дело, что даже примерно не знаю. Есть такие люди, вроде бы молодо выглядят, а самим уже за сорок. Или взрослым кажется, а сам еще совсем молодой. Вот и Гарик так выглядит, не поймешь, то ли сорок ему лет, то ли двадцать... Когда улыбается, вроде бы молодой, взгляд наивный такой, глуповатый, как у недоразвитого. А когда злиться начинает, так взгляд свинцом наливается, и лоб морщится, как у старика... В общем, сам увидишь, скажешь...

– А в доме, ну с башенками который, он с кем живет, сам или с родителями?

– Да нет, вроде сам...

– Что, никого нет, ни родителей, ни прислуги?

– Ну, я не знаю. И никто толком не знает. Говорю же, он особняком живет. В село и к нему в дом одна дорога идет, а потом она разветвляется. Одна ветка к нему тянется, но так, что со стороны Запалихи не видно, кто к нему едет, потому что холмом скрыта. Кто к нему ездит, кто от него уезжает, не видно. Одно могу сказать, что из села никто у него не работает. Если бы работал кто, бабушка бы знала...

– Ну, бабушке он ничего не мог про себя рассказывать. А тебе? Может, тебе что-то интересное рассказал?

– Да какой там! Я же говорю, гы-ы, бы-ы... – передразнила Арина. – Вот и весь разговор. Мычит, а толком ничего не скажет.

– Но сказал же, как зовут?

– Только это и сказал... И еще на дом свой махал... Ы-ы, мой дом!.. То, что машина его, это понятно...

– Почему понятно? Может, он водителем на хозяина работает.

– Хотела бы я посмотреть на такого хозяина, который такому идиоту машину доверяет... Нет, его это машина... И дом его... Хотя... – На какое-то время Арина задумалась, приложив палец к губам. Затем, сомневаясь, глянула на меня. – А может, не его это машина?

– А это имеет значение?

– Да нет, в общем-то, – пожала она плечами. – Машина, может, чья-то, а слюна точно его... Тьфу, мерзость!

Я кивнул, соглашаясь, но вслух ничего не сказал.

Прежде всего, мне нужны были образцы слюны этой неразвитой личности. Я добуду ее, вернусь в Черногайск, сдам на экспертизу. Если результат будет положительным, тогда я уже вплотную займусь Гариком. Вернусь за ним в Запапаху и возьму его под белые ручки, что по локоть в крови. А на допросе уже выяснится, кто он такой, откуда и чем живет... Впрочем, кое-какую информацию я мог бы почерпнуть у сельского участкового. По долгу службы он обязан побывать в доме, расположенном на отшибе от деревни.

– Ты чего молчишь? – спросила девушка.

– Боюсь, что у меня тоже слюнки потекут.

– На меня? – непонятно, то ли обрадовалась, то ли возмутилась она.

– Да нет, тут кафешка скоро будет, там шашлык хороший готовят... М-м, спецфис-ски! – Я приложил подушечки пальцев к губам и смачно чмокнул. – Как подумаю, так слюнки текут.

– Я бы тоже от шашлычка не отказалась, – сказала она и, немного подумав, спросила: – А далеко?

– Минут через десять подъедем.

– Тогда давай не будем больше про Гарика. А то аппетит пропадет...

Я послушно кивнул и до самого кафе не задал ей ни единого вопроса на эту тему. В кафе нам приготовили четыреста граммов шашлыка на двоих с овощами и ароматным соусом, подали горячий лаваш. Мясо было вкусным, сочным, немного с жиром, но без жестких прожилок. И все же Арина с грехом пополам осилила только один кусочек. Оказалось, что по утрам она ест очень мало. Зато кофе выпила две чашки.

Я человек, в общем-то, не жадный, но и хлебом разбрасываться как-то не привык. Поэтому несколько последних кусков шашлыка съел, мягко говоря, без аппетита. Мало того, что за руль садился с переполненным желудком, так еще и в сон вдруг потянуло. Хорошо, под колесами была ухаби-стая дорога и меня порядком трясло. Вот если бы я ехал по гладкому дойчландовскому автобану, то мог бы заснуть и выехать на полосу встречного движения. Вот уж не зря говорят: что немцу хорошо, то русскому смерть.

Асфальтовое покрытие шоссе не соответствовало даже

гостовским стандартам, зато попутные тяжеловозы не загромождали трассу. Поэтому мы ехали довольно быстро, в среднем проходили за час около семидесяти километров. И уже к обеду добрались до райцентра, откуда до Запалихи рукой подать.

К этому времени мой завтрак уже успел перевариться, Арина же сглатывала слюнки, жалея о том, что позволила мне съесть весь шашлык.

Райцентр представлял собой небольшой городок, утопающий в зелени. Сначала мы ехали мимо частных домов – каменных и деревянных, богатых и убогих, высоких и низких, кому уж как повезло. В центре мы увидели галерею кирпичных пятиэтажек, площадь с фонтаном, трехкупольную церковь, блочную больницу и школу.

Еще наше внимание привлекло небольшое кафе с переливающейся гирляндой по периметру вывески. С одной стороны магазин, с другой что-то похожее на городской парк – кедры, березы, скамейки вдоль аллеи. Казалось бы, место должно было быть людным, но я не заметил возле кафе ни одной живой души. Или все жители городка заняты работой, или здесь ревностно соблюдается право на послеобеденный «тихий час», может, то и другое, но, так или иначе, если б не проезжающие мимо машины, мы бы решили, что городок вымер.

В кафе было два зала, один внутри помещения, другой под крышей тента на открытом воздухе. Погода ясная, теплая,

поэтому мы выбрали второй вариант.

Не успели мы сесть за пластиковый столик, как появился юркий молодой человек с черной бабочкой на белой рубашке. Всем своим видом он давал понять, что рад нашему визиту, а я в свою очередь сделал вид, будто поверил в искренность его кроткого ликования. Тем более что на безрыбье в клиентах нетрудно было в это поверить.

Я не имел обыкновения швыряться деньгами. Душа, может, у меня и широкая, но кошелек тонкий. Но все-таки выбор блюд я предоставил Арине. К счастью, она не испытывала желаний пустить меня по миру, поэтому сделала сравнительно скромный заказ – без красной рыбы и черной икры, но с полным набором обеденных блюд, от компота с булочкой до супа с фрикадельками.

Сначала нам подали сырный салат с ветчиной, затем суп. А потом появились крепкие широколицые парни в кожано-джинсовой заливке, и официант здесь был ни при чем. Ребята подъехали сами, на черном, сверкающем лаком «Хаммере».

Я обратил внимание, что номера на машине казахские, но сами парни все как на подбор типичной славянской внешности, ну, может, со стародавней примесью монголо-татарской крови. Их было двое, и оба имели внушительный вид – рослые, тяжеловесные, широкоплечие, с темными от солнца и обветренными лицами. Шли они расслабленно-небрежной походкой от колена, но чувствовалось, что им несложно

будет мгновенно сконцентрироваться, дать отпор враждебной силе. Тепло на улице, а они в куртках, один в кожаной, другой в джинсовой. На мне тоже была кожанка, но под ней скрывалась кобура с пистолетом. Может, и эти парни вооружены.

Я смотрел на них, пытаюсь выяснить, кто они такие. На ментов не похожи: не было в них той знакомой мне уверенности, что на их стороне власть и закон. Их надменная важность основывалась на вере в собственные силы. Они могли нахамить, покалечить и даже убить, и никто, как им казалось, не мог их остановить, потому что за ними грубая животная сила. Глаза хищные, взгляды мутные, как у людей с темной душой... Нет, не нравились мне эти парни. Очень не нравились. Но все же я решил не обращать на них внимания. Ведь закон они не нарушают, а задерживать их из одной только личной антипатии я не мог – не моя это территория. Да и что я с ними потом буду делать?

Парни сели за стол метрах в пяти от нас. Один, с маленькими круглыми глазками под крупными нависающими надбровьями, глянул на меня с безадресным презрением. Но вот его взгляд остановился на Арине, которая изящно перегружала с вилки в рот мякоть салата. И немедленно в его глазах вспыхнул непристойный интерес.

С похабной улыбкой он что-то шепнул на ухо своему дружку, дождался, когда тот сальным взглядом оценит объект его внимания, а затем, поднявшись во весь рост, напра-

вился к нашему столику. Я чуть опустил голову, тяжело поднял на него глаза.

Я не стал угрожающе рычать, как волк, готовый вступить в смертельную схватку из-за самки, скалить клыки и вставать на дыбы, но вложил во взгляд всю силу своего боевого духа, зацементировав ее крепостью характера. Но то ли соперник обладал на зависть бронированным восприятием, то ли моему взгляду не хватало останавливающего действия, так или иначе, парень проигнорировал меня и сел за наш столик.

– Привет, я Серега, – глядя на Арину, хрипло, с пренебрежительно-заигрывающей оттяжкой верхней губы представился он.

– Шел бы ты отсюда, Серега, – угрожающе-тихо сказал я.

Он посмотрел на меня с искренним удивлением, как будто не мог понять, почему я до сих пор здесь.

– Твоя жена? – спросил он, кивком головы показав на девушку.

– Нет, но...

На мое «но» он не обратил внимания. Махнув на меня рукой, снова обратился к Арине.

– Хочешь на джипе покататься? – спросил он.

– Нет.

И Арина смотрела на меня удивленно. И еще в ее глазах в большой восклицательный знак вытянулось удивление. Она считала меня каменной стеной, но какой-то проходимец, казалось, разрушил эту иллюзию.

– А на мне? – не унимался Серега.

– Шел бы ты, – снова посоветовал я.

– Куда? – резко привстав над столом, спросил парень.

Он сделал стремительное движение, будто собирался боднуть меня головой, но я виду не подал, что испугался.

Признаться, страх перед этим типом я ощущал. Хотя бы потому, что от страха как такового невозможно избавиться вообще. Но я умел держать свою слабость в узде, контролировать ее, подчинять разуму.

Прежде всего, страх – это элемент самосохранения. Не бойся человек высоты, он запросто может пройти по кромке крыши высотного дома, споткнуться, упасть и разбиться насмерть. Потерявший страх солдат может выпрыгнуть из окопа и побежать навстречу пулям, погибнув бессмысленной смертью. Я же мог кинуться на задиристого хама Серегу и натворить бед – или шею ему сломаю ненароком, или, осознав, что проигрываю ему, выхвачу из кобуры пистолет, с отчаяния нажму на спусковой крючок, убью. Поэтому страх и должен был удерживать меня от выяснения отношений. Слабенький такой страх, но полезный.

А то, что парень давил на мое самолюбие, меня не очень смущало. Я же бывалый опер и давно уже привык не обращать внимания на выходки уголовников. И в силу этой привычки я должен был и мог воздерживаться от конфликта, насколько это позволяла ситуация...

Обстановка стремительно накалялась. И я, и мой против-

ник все ближе подходили к самому краю разделявшей нас пропасти.

– Куда? В конюшню. За седлом, – сдерживаясь, сказал я. – Чтобы девочек на себе катать.

– Девочек? Ну, тогда ты будешь первой, кого я прокачу!

Сергея уже готов был схватить меня за грудки, но тут подоспел его дружок с широким раздвоенным подбородком. Крепко взяв буяна под локоть, он отбуксировал его в сторону от нашего стола. И мне махнул рукой, дескать, не обращай внимания, нормально все.

– Не быкуй, слышишь! – услышал я грубый, но вразумляющий голос. – Нарваться хочешь?

– На кого, на это быдло? – взвыл Сергей, тыкая в мою сторону толстым, похожим на сосиску пальцем.

– Я сказал, с катушек не съезжай!

Парень с раздвоенным подбородком дернул своего дружка за руку и потянул его к машине. Я мог бы мысленно поблагодарить его за то, что он урезонил хама, но в голове у меня крутилась другая мысль. Видно, что-то нечисто с этой парочкой, если один удерживает другого от конфликта.

Как бы то ни было, но я молча смотрел, как парни садятся в машину.

– Я думала, ты дашь ему в морду, – с разочарованием во взгляде и упреком в голосе сказала Арина.

– И что дальше?

– Он же оскорблял тебя.

– Есть такое понятие, как служебная этика. Я служу в уголовном розыске, я привык иметь дело с такими отбросами общества, как этот Серега. И знаешь, сколько оскорблений мне пришлось выслушать за десять лет? Если бы я реагировал на каждое, меня бы давно уже уволили со службы.

– Но ведь он оскорблял и меня!

Я молча развел руками. Потому что слов у меня не было. Да, пожалуй, Арина права, я должен был наказать этого Серегу. Как мент, я должен был сдерживаться до последнего, но ведь прежде всего она видела во мне мужчину...

От угрызений совести меня спасла та же причина, которая их и породила. Серега вдруг выскочил из машины и бросился ко мне. Страх перед ним утяжелил мои ноги, но я-то знал, как бороться с этим. Крик уязвленного самолюбия заглушал тонкий голос разума, и я усилием воли сорвал себя с предохранителя. Пружина боевого духа с силой разжалась во мне, и я, растоптав ногами свой страх, бросился навстречу грубияну.

К любому противнику нужно относиться как к равному себе, пока он поверженным флагом не ляжет к твоим ногам. Именно поэтому я отнесся к предстоящей схватке предельно серьезно. Не было во мне шапкозакидательской бравады, когда Серега занес руку для удара.

Он даже не пытался выяснять отношения на словах. Во-первых, это уже пройденный этап. Во-вторых, для того он и затевал ссору, чтобы подраться. А раз так, то я должен был

держат удар.

Парень бил незатейливо. Оттянув кулак себе за ухо для размаха, пружинно метнул его в мою сторону. Я знал, что делать в таких случаях. Блок, захват, бросок или ответный удар. Но, увы, у меня не заладилось с самого начала. Удар оказался настолько быстрым и мощным, что пробил поставленный блок, и нос мой превратился в сгусток пульсирующей боли.

На ногах я удержался и, более того, смог схватить ударную руку противника, но, увы, удержать не смог. Серега оказался искусным и очень опытным бойцом, наделенным чудовищной силой. Вырвав из захвата одну руку, он ударил меня локтем другой, и точно в висок. Перед глазами лопнула ракета с фейерверком, шумный сноп искр ослепил мое сознание, накрыл меня с головой.

В этот раз противник смог сбить меня с ног. Я упал, а взбешенный парень попытался меня добить. Но ударил меня ногой сверху вниз, как будто хотел втоптать в пыль. И слишком долго поднимал ступню для замаха. Ударь он быстро и резко, я бы не смог отреагировать, а так успел вынести руки навстречу его удару.

Ногами он бил еще сильнее, чем руками, и я не смог заблокировать этот удар. Сотрясающая боль в животе скрутила меня, и непонятно, каким образом я сумел удержать ударную ногу противника. И еще более удивительным казалось то, как повел себя в этой ситуации Серега. Он мог бы под-

напрячься и вырвать ногу из захвата. Мог бы навалиться на меня, в падении ударив рукой в лицо. Были и другие эффективные способы освободиться от захвата, но он выбрал самый глупый. Встав на меня захваченной ногой, он поднял свободную, чтобы в ударе наступить на меня. Чтобы лишить его равновесия, мне оставалось всего лишь дернуть плененную ногу. Так я и поступил.

Сергея упал так, что его нога оказалась у меня под мышкой. Мне оставалось только просунуть лучевую кость левой руки под ахиллово сухожилие противника. Правую руку подвел под свою левую, взяв их в замок, левое плечо отвел назад, оттянул носок захваченной ноги... От боли Сергей взвыл как раненный белый кит. А я продолжал удерживать его, причиняя ему невыносимые муки. Сейчас я не видел иного выхода, как вывести его из борьбы. Слишком сильно мне досталось – перед глазами все плывет, в голове мешанина из падающих листьев сознания, желудок выворачивается наизнанку. Но сейчас парень потеряет сознание, и тогда я смогу избавиться от него.

Но еще до того как Сергей лишился чувств, на меня набросился его дружок. Все-таки решился меня атаковать. Мне ничего не оставалось делать, как бросить одного противника и переключиться на другого. К тому моменту как парень замахнулся для удара, я успел встать на ноги. А вот закрыться не смог. Зато повернул голову так, что кулак прошелся касательно по щеке. И хотя это было больно, на ногах я удержал-

ся и врезал парню в ответ. Это был удар в стиле деревенского бокса – размашисто, от всей души. Правой, левой, еще одна корявая двойка, третья...

Я гонял противника по придорожному пятакчу до тех пор, пока он не упал и не задрал вверх руки в знак своего поражения. Но к этому времени поднялся Серега. Он снова набросился на меня, но в этот раз я, не просто разогретый, а разгоряченный боем, не позволил ему измываться над собой. Уклонившись от встречного удара, я провел ответный, а пока парень тряс отбитой головой, сгреб его в охапку и швырнул через себя так, что в падении он крепко приложился головой к ступеньке крыльца. И сам я ударился, но это не стало для меня помехой. Приподнявшись с земли, я спиной навалился на Серегу и локтем проверил на прочность его шейные позвонки.

Затем я стоял у входа в летнее кафе и смотрел, как Серега поднимается с земли. Его дружок помогал ему встать на ноги, а он смотрел на меня – дико и зло, но с какой-то уже покорностью во взгляде. Так скалит клыки молодой сильный волк, проиграв сражение старому вожаку. Он еще рычит и злится, но уже признает чужую и к тому же законную силу.

Разбитый нос болел так, что из глаз сами по себе текли слезы. К тому же я пальцами зажимал ноздри, из которых лилась кровь. Словом, у меня не было никакого желания встречать повторную атаку на кулаках, поэтому правую руку я держал на рукояти своего пистолета, чуть высвобожденного из

кобуры. Будет чем отпугнуть, если ребятишки снова полезут в драку. Стрелять, конечно, не стану, но на пушку, как говорится, возьму.

Но, похоже, Серега не собирался брать реванш. Видно, что не боец он сейчас: на ногах еле держится, взгляд потухший, не видать в нем огоньков, порожденных высоким напряжением боевого духа. А его дружок и вовсе тянул его к машине, стараясь не смотреть мне в глаза.

Я ожидал услышать нечто вроде «мы еще встретимся», но парни молча забрались в машину и уехали.

Глядя вслед отъезжающей машине, я нашарил в кармане носовой платок. Вернулся за столик, задрал вверх голову, чтобы остановить кровь.

– Больно? – вкрадчиво спросила Арина.

– И больно. И глупо. Вот скажи, чего я добился? – спокойно, без всякого душевного надрыва спросил я.

– Ты вырос в моих глазах.

Банально. Но ведь вся история взаимоотношений мужчины и женщины сплошь и рядом состоит из таких вот банальностей. Драки, убийства, заговоры, войны – все в этой куче, на вершине которой возвышаются победители и под которой погребены проигравшие. И как бы я ни старался убедить себя, что совершил глупость, мне все-таки было приятно осознавать себя на вершине успеха, наградой за который могла стать Арина.

В ответ я гордо промолчал. Зачем слова, если вся значи-

мость события была заключена в одержанной победе. Триумфаторам вовсе не нужно быть ораторами: и так все ясно...

Глава 5

Я остановил машину на перепутье двух дорог. Одна – галечная и ухабистая – вела прямо и вниз по склону к большому селу на прибрежной равнине. Другая – узкая и асфальтированная – тянулась вправо, к оврагу, пересекала незатейливый, но с виду надежной конструкции мост, а затем поднималась вверх по кособогу, где в окружении голоствольных сосен гнезился нужный нам дом с башенками.

Четыре башенки с темно-красными черепичными шпилями, а посредине – одна большая башня с парапетом зубцовых бойниц на верхнем срезе, с конусным куполом и флюгером. Мне показалось, что в одной из бойниц в лучах заходящего солнца блеснуло стекло. Возможно, кто-то наблюдал за нами – либо через подзорную трубу, либо через прицел снайперской винтовки.

Мне приходилось видеть новомодные дома в готическом стиле, но все они, как на подбор, казались мне забавным сочинением на тему давно ушедшей эпохи. В одной строчке – белоснежная минеральная облицовка, в другой – декоративные фахверки, в третьей – пластиковые окна и современные крыши с водосливом. И уж точно ни одно из таких строений не произвело на меня гнетущего впечатления. А тут я вдруг почувствовал себя еретиком перед лицом святой инквизиции: слишком уж убедительным показался мне этот эр-

зац средневекового замка. Казалось, особняк был сложен из тяжелых блоков, настолько тяжеловесным и массивным казалось это строение. Стены серые, не отделанные даже облицовочным кирпичом, не говоря уже о декоративном камне. Оконные рамы деревянные, изготовленные, возможно, из обычной сосны или даже лиственницы, но мне казалось, что их вырезали из дуба. И крыша у дома из настоящей черепицы, как будто снятой с какого-то средневекового замка в Европе и привезенной сюда, в российскую глушь.

Башенки я заметил и на стыках стен, окружавших дом. Это были именно стены, а не просто забор – высокие, тяжелые, монолитные. Ни дать, ни взять, крепость, по всем правилам средневекового искусства вознесенная на вершину косогора. И если стены настолько крепкие, как мне казалось, то засевавшую за ними группу вооруженных людей можно было взять только штурмом. Взвод спецназа, как минимум, и лучше с вертолетом...

– Серьезный домик у твоего Гарика, – озадаченно потер я кончик распухшего носа.

И даже боли не почувствовал, так одолело меня раздумье.

– Во-первых, он не мой. А во-вторых, поехали отсюда.

– Почему?

– А вдруг он меня увидит? – поежилась Арина.

– Пусть видит. Домой его к бабушке пригласишь, чайком напоишь.

Эх, если бы все было так просто, как хотелось. Выпьет Га-

рик чайку, а кружку оставит мне. Мыть я ее не буду, отвезу в Черногайск, отдам экспертам на обследование. И тогда уже будет видно, что делать с парнем – снимать с него подозрения или высылать за ним группу спецназа.

Глядя на этот дом-крепость, я уже сейчас испытывал желание поскорее убраться из этих мест. Его мрачный вид навел тоску, а интуиция подсказывала, что где-то рядом витает смерть. И меня могут убить, и Арину...

– Шутишь? – вымученно улыбнулась она.

– А почему нет? Чайку жалко?

– Чайку? А если он кровь пьет? – совершенно серьезно спросила девушка.

Похоже, панихидные настроения одолевали ее не меньше моего. Но виновато в этом было не только гнетущее впечатление от особняка на косогоре, но еще и наступающий вечер. Серые краски, мрачные тона...

Я выжал педаль сцепления и включил первую скорость. Машина покатила под уклон медленно, но в зеркале заднего вида я увидел столб пыли. Вернее, это был небольшой смерч, который, обогнав мою «Ниву», сметая с проселка пыль, понесся к селу. Уж не злые ли силы послали его вслед за нами?.. Вслух я ничего не сказал, но, глянув на бледное лицо Арины, понял, что думает она о том же.

Селом Запалиха называлась по праву – здесь были и церковь златоглавая, и даже двухэтажный универмаг. Улиц несколько, и главная из них в центре была покрыта хоть и

старым, но асфальтом. Избы преимущественно деревянные, с резными наличниками и узорными ставнями, но я увидел здесь и кирпичные дома, длинные, многоквартирные, своего рода бараки. У одного дома стоял трактор, возле которого кружил мужик в грязной спецовке, возле другого на завалинке сидел дед с темным морщинистым лицом – лето на дворе, он в ватной фуфайке и в шапке-треухе, а в зубах дымилась «козья ножка» с самосадом. Женщина в расписном платке и с полными ведрами на коромысле, длиннокосяя девчонка в дешевом, выцветшем ситцевом платье – на этом, пожалуй, деревенский колорит в моде и заканчивался. Все девушки, что попались на нашем пути, как и местные парни, сплошь были в джинсах, а там уж на усмотрение, кто в кофточке, кто в футболке. И транзисторные приемники, как в стародавние времена, здесь никто не носил. MP3-плееры с гарнитурой и компакт-диски в руках казались здесь делом обычным. Как и спутниковые антенны над шиферными крышами домов.

Но как бы ни одевалась селянская молодежь, деревенская особинка в их поведении, конечно же, присутствовала. Мы с Ариной проезжали мимо компании молодых людей, которые все как один повернули головы за нами вслед. В городе же на мою машину и внимания никто не обратил бы.

Нам пришлось проехать почти все село, прежде чем мы оказались возле деревянной избы, обитой вагонкой и выкрашенной в яркий зеленый цвет. Видно, что это было старое строение, но покоилось оно на бетонном фундаменте, по-

этому не покосилось от времени. Понравился мне и забор – из тесаных поперечных жердин, размером с тонкое бревно, намертво крепившихся к толстым деревянным столбам. Ограда была срублена относительно недавно, чего не скажешь о воротах и калитке: доски их почти черные от времени, трухлявые, и открывались они со скрипом.

– Дедушка только забор доделал, а ворота не успел, – сказала Арина, заметив, как я, взявшись за одну такую доску, дернул ее, проверяя на прочность.

– Давно его не стало? – спросил я, осматривая двор из-за калитки, поскольку внутрь войти не решался, из-за крупного двортерьера, не лающего, но с рычанием скалящего на меня клыки.

От ворот к дому вела протоптанная в траве тропка, у порога она разветвлялась и дальше тянулась к огороду в одну сторону и в другую – к дощатому курятнику с притершейся к нему поленницей с шатким навесом из рубероида. Яблонька во дворе, груша и еще березка перед окнами дома – вот и вся растительность. Видно, что от солнца здесь не прятались, а, напротив, открывали для него пространство, впрочем, как и везде в сибирских деревнях.

Арина открыла калитку, нехотя и как-то с опаской погладила узнавшего ее пса.

– Ну и как нас зовут? – спросил я, не решаясь к нему приблизиться.

А он не мог схватить меня, потому что сидел на цепи.

Впрочем, он уже успокоился и с интересом наблюдал за мной.

– Трезор его зовут, – сказала Арина.

И с сомнением наморщила носик, как будто не была уверена в том, что собаку зовут именно так, а не иначе.

Я полез в багажник машины, достал из чемодана банку тушенки, быстро вскрыл ее и вывалил содержимое перед псом. Трезор заинтригованно вытянулся в струнку, внимательно глядя мне в глаза. Но есть не стал, хотя чувствовалось, что он голоден.

– Давай знакомиться, Трезор. Меня зовут Петрович!

Мои слова прозвучали, как волшебное заклинание, иначе как объяснить, что после них пес радостно завилял хвостом и набросился на тушенку. Контакт налажен, можно идти дальше.

Подъезд к дому перегораживала скамейка с выставленным на ней эмалированным ведром, под крышкой которого я увидел сухие гранулы комбикорма – видимо, для кур, чей клекот доносился до меня.

Скамейку я поставил вдоль дома, а корм отнес в курятник, дверь в который была подперта изнутри тонкой жердиной. Я сам вырос в деревне и хорошо знал, как нужно кормить кур.

– Ты прямо как хозяин, – одобрительно сказала Арина.

– Кто-то же должен был покормить этих красоток.

– Ну да, сама бы я не догадалась, – без всякой иронии, с упреком к самой себе сказала она.

– Да ты не переживай, их и без нас бы покормили. Наверно кто-то присматривает за хозяйством, – движением руки я показал на ближайший соседский дом.

– Ну, может быть, – кивнула Арина.

Она присела на корточки, сунула руку под доску крыльца, вынула оттуда ключ, открыла входную дверь. Я хотел бы последовать за ней, но мне нужно было загнать машину во двор.

Я уже собирался закрыть ворота, когда вдруг увидел бегущего по улице парня со светлыми, будто соломенными волосами. Большие рачьи глаза, тонкая переносица и негармонично широкие ноздри, вытянутый и приоткрытый, как у пескаря, рот, грудь узкая, но руки толстые, мускулистые.

Все бы ничего, но этот бегун мчался прямо на меня. А поскольку я находился в узком свободном пространстве между створками ворот, он мог просто-напросто сбить меня с ног. И еще случайно, если не намеренно, он мог ударить меня в мой распухший нос. Одна только мысль о том, как это может быть больно, столкнула меня с его пути.

Мне казалось, что он пробежит мимо меня, но нет, он остановился и протянул ко мне руки, будто собирался схватить за грудки. Но всего лишь пальцами слегка коснулся моей руки, и то это вышло, как мне показалось, непроизвольно. Парень очень волновался и нервничал.

– Ты Глеб? – спросил он, пытаясь восстановить дыхание.

– А где здрастье? – с укором покачал я головой.

– А нечего мне с тобой здороваться!

Я смотрел на его губы. Мокрые они, но слюны в уголках рта я не замечал.

Хотелось надеяться, что этот парень окажется тем самым Гариком, который мне был так нужен. Хотелось, но не верилось, что надежды мои оправдаются. Парня трудно было назвать красавцем, и, если судить по словесному описанию, чем-то он действительно напоминал Гарика. Но слишком бедно был он одет, чтобы ездить на дорогом джипе и жить в богатом особняке. Выцветшая фланелевая рубашка в клеточку, лоснящиеся от грязи и обвисшие джинсы, и ухоженностью парень явно не отличался: один волосок торчал из правого уха, другой – из левого, на щеках бесхозная небритость, ногти не стриженные, грязь под ними. И запах не очень, как будто его в баню некому было послать.

– Ты не груби, не надо, – предостерегающе нахмурил я брови.

– Ира где?

Хорошо, что я стоял анфас к этому парню, находишься в профиль, мог бы оглохнуть от его визжащих децибелов.

– Нет Иры. Совсем нет.

– Она в машине ехала! Ее только что видели! Здесь она! – глазами одержимого смотрел на меня парень.

Вот и пена в уголках рта образовалась. Я даже полез в карман куртки за платком, чтобы смахнуть слюну с губ, но вспомнил, что выбросил платок еще в кафе, потому

что сильно испачкал кровью. Впрочем, я мог взять образец обычной авторучкой, которую нащупали мои пальцы.

– Это Арина была, – сказал я.

– Арина?!

Парень вдруг стал похож на резинового болвана, из которого вырывался излишек воздуха. Сдулся, обмяк, даже в коленях слегка просел.

– Так, спокойно! – тоном, призывающим к спокойствию, сказал я. И вынув из кармана ручку, вертикально вознес ее на уровень груди. – Смотреть сюда! Тихо, еще тише... Дышим свободно, спокойно...

Вряд ли я обладал даром гипнотизера, но парень действительно стал успокаиваться. И когда я коснулся ручкой его губ, воспринял это как должное. В это время на крыльцо вышла Арина.

– Юра?! – удивленно и, как мне показалось, раздосадованно протянула она. – Ты что здесь делаешь?

– Я думал, что ты Ира, – обреченно вздохнул парень и уронил голову на грудь.

– А чем тебе Арина не нравится? – спросил я тем же унылым тоном.

Незванный и чуточку сумасшедший гость оказался вовсе не Гариком. Это всего лишь какой-то Юра. А я уже размечтался...

Нравилось мне это село, и дом хороший, как снаружи, так, наверное, и внутри. И Арина приятно волновала мою кровь,

а перспектива провести ночь под одной с ней крышей распаляла воображение. Но будь моя воля, увез бы я отсюда девушку, не задумываясь. Предчувствие скорой беды растревожило меня не на шутку.

– Не нравится, – буркнул парень.

– Что, совсем?

– Я Иру люблю.

– Нет Иры.

– Я слышал... А тут сказали, что Ира приехала... А ты кто? Жених ее? – Юра кивком головы показал на Арину, которая смотрела на него если не с ненавистью, то близко к тому.

– Не твое дело! Иди отсюда! – нагрубила ему девушка.

– Зачем ты так? – обиженно спросил он.

– А как ты, так и я!

Парень обескураженно пожал плечами и ушел. Я закрыл ворота и вместе с Ариной проследовал в избу.

У избалованного цивилизацией горожанина обстановка дома могла бы вызвать пренебрежительную ухмылку. И обои здесь безвкусные, и мебель устаревшая, а русская печь так и вовсе анахронизм. Посмотрел бы я на такого умника, попади он в такой дом зимой, из промерзшей степи в лютую метель. Еле живой от холода, он встал бы на колени перед этой печкой и молился бы не образам, что в красном углу, а пышущей жаром топке. И за дощатый стол на такую же грубую лавку сел бы с радостью, если бы хозяин соблаговолил уго-

стить его горячими щами да кашей. А потом бы в кровать, на пышную перину, под пуховое одеяло...

Стол и впрямь сколочен был грубо, хотя и добротнo. Но чего стоила кружевная скатерть ручной работы? А занавески, салфетки, домотканые дорожки на полу?.. Старинный с резным карнизом буфет – тяжелый и основательный, в нем настоящий хрусталь. Велюровый диван и японский телевизор в горнице, казалось, не вписываются в общую обстановку сельского быта, но все же лучше с ними, чем без них. Тем более что диван раскладывался в двуспальное ложе...

Арина села на лавку, сложив руки, как прилежная школьница за партой.

– Что дальше? – спросил я.

– А что дальше? – пожала она плечами.

– Что есть в печи, на стол мечи.

– Я здесь не хозяйка...

– Но ты за нее.

Старый холодильник с механическим замком стоял с открытой дверцей, это значило, что в нем пусто. И печь холодная, в ней тоже ничего нет, кроме пустых чугунков.

– Жаль, что Ирки нет, – сказала она, с горечью во взгляде опустив голову.

– А если бы была?

– И кур бы накормила, и в печь бы что-нибудь поставила.

Она такая... Была...

– Да печь затопить не трудно, – сказал я.

И тушенка у меня была, чтобы приготовить кашу. Крупа в доме наверняка найдется.

Я повернулся к Арине спиной, чтобы обследовать хозяйские закрома.

– Ты куда? – капризно спросила она.

– На стол что-нибудь придумаю.

– Я плохая?

– Не понял.

– Глеб Ирку любил, Костя по ней с ума сходил, этот Юрка с детства за ней бегают... Я ему даже не нравлюсь! – голосом, похожим на стон, заключила она. – Что во мне не так?

– Все в тебе так, – в раздумье дернул я плечом.

– А честно?

– Может, Ира твоя была чуточку душевней?

– А я что, на стерву похожа?

– Я бы не сказал... Ну, так что, ужин готовим?

Пока я ходил за тушенкой, Арина засыпала в чугунок пшеничной крупы, залила ее водой. Осталась самая малость – затопить печь. Пока я этим занимался, девушка сходила на огород, нарвала огурцов и зелени. И не побоялась сломать наращенные ногти. Еще она попросила меня натаскать воды и открыть банку с мясными консервами.

– Я здесь сама управлюсь, а ты баньку истопи.

Если честно, и я сам подумывал о том, что при доме должна быть баня, но как-то не решался спросить, чтобы не быть уличенным в порочности своих намерений. Но раз уж

Арина сама предложила, то я должен был мчаться в баньку на всех парусах. Впрочем, из дома я вышел без всякой спешки. Но в огороде значительно прибавил в темпе.

Впрочем, вскоре мне пришлось вернуться обратно, поскольку баньку в огороде я не нашел. Оказалось, что нужно идти в конец улицы, которая выходила к реке, где у самой воды и стояли маленькие бревенчатые домики с жестяными трубами. Арине пришлось напрячь память, чтобы вспомнить, какая банька принадлежит бабушке, а ключ, открывший навесной замок, подтвердил ее предположение.

На поиски ушло время, потом я челночными рейсами ходил к реке, таскал воду. Пока разжег печь, пока прогрел баню... В общем, мы с Ариной уже сели ужинать, а банька еще только дозревала.

– Как пойдем, сначала ты или я? – как о чем-то само собой разумеющемся спросила она.

Я рассчитывал на несколько иной сценарий, более простой и компанейский, но сделал вид, будто иного вопроса и не ожидал.

– Ну, как мужчина, я пропущу женщину вперед...

– Я еще не женщина, мне всего двадцать, – с улыбкой заметила Арина.

– Жаль, – с показным унынием вздохнул я.

– Что жаль? – не поняла она.

– Выпить не с кем будет.

Я нагнулся, взяв с пола заранее приготовленную бутылку

водки, скрутил пробку.

– Почему не с кем? А я? – удивленно посмотрела на меня девушка.

– Тебе всего двадцать. А по закону можно только с двадцати одного.

– А кто узнает? – весело улыбнулась она.

– Я.

– А ты у нас – закон?

– Совершенно верно.

– Что, и не разрешишь?

– Ну, если ты настаиваешь.

– Настаивать не буду, но не откажусь...

– Тогда ставь две рюмки, для меня и для себя.

– А как же закон? – насмешливо повела она бровью.

– Только не думай, что я сдался. Просто закон этот устарел. Сейчас можно с восемнадцати пить... До двадцати одного года нельзя париться в бане – незамужней женщине с неженатым мужчиной.

– Я же сказала, что еще не женщина.

– А чего ты переживаешь? Все равно париться будем по отдельности, – сказал я, стараясь казаться самой беспристрастностью.

И, похоже, это мне удалось.

– А ты что, не хочешь со мной? – задетая моим показным безразличием, спросила Арина.

– Тебе же всего двадцать.

– Врешь, нет такого закона!

– Не вру, а шучу.

– Я тебе не нравлюсь?

– Нравишься.

– Тогда почему не хочешь?

Я молча поднялся, взял из буфета две рюмки, поставил их на стол, наполнил.

– Ну, за прекрасных дам. За тебя, Арина!

Она молча выпила, закусила, потом полезла в свою сумочку, достала пачку дамских сигарет, закурила.

– Курить это плохо, да? – спросила девушка.

– Хорошо, – кивнул я и, чтобы не быть заподозренным в неискренности, тоже закурил.

– Врешь. Сам, наверное, мечтаешь бросить.

– Ну как при моей работе бросить?

– А при моей? Работаешь с утра до вечера, как проклятая...

Я знал, где она работает, поэтому воздержался от уточняющих вопросов.

– Я даже знаю, о чем ты подумал, – саркастически усмехнулась она. – Дамский мастер – так себе работа, да?.. Ну да, у Ирки высшее образование было.

– При чем здесь Ирина? Я ее совсем не знал, – качнул головой я.

– А если б знал, то наверняка запал бы!

– Мне с тобой интересно, правда.

– Это потому что Ирки нет!.. Ты извини, сама знаю, что не должна так говорить...

Арина поднялась, открыла стеклянные створки буфета, но вытащила оттуда два стограммовых стакана и подала их мне. А я уж наполнил их до краев.

– Ирку бы уже сегодня похоронили, – со слезами на глазах сказала она. – Царствие ей Небесное!

Мы выпили не чокаясь. А потом Арина спросила:

– Нам еще не пора?

– Пора. Дровишек надо подбросить.

– Вместе пойдем? – слегка захмелевшим, но прямым взглядом посмотрела на меня девушка.

Я знал, какой ответ ей нужен, поэтому не стал бродить вокруг да около. Поэтому сказал твердо:

– Я этого хочу.

– И я тоже... – слегка смутилась она, но глаз не опустила. – Только сначала я пойду. А ты потом, за мной, ладно?

– Почему?

– Люди увидят. Потом бабушке расскажут. А оно мне надо?

– Поздно уже. Никто нас не увидит.

– Это деревня, здесь на каждом столбе глаза и уши, что днем, что ночью. Скажут потом, что я в бане с мужиком была... Знаешь, ты за мной лучше вообще не ходи, ладно? – бросилась в крайность Арина.

Но при этом, похоже, сама испугалась того, что я могу по-

слушаться ее.

– Ты иди и ни о чем не беспокойся. А я за тобой, чуть погодя.

– Но только погодя, – с чувством облегчения, как мне показалось, сказала она.

Она ушла, а я опрокинул в одиночестве стопку, чтобы повысить градус храбрости. Вышел на улицу, закурил. Выждав еще минут пять, полный юношеских надежд, отправился вслед за своей девушкой.

Я знал, что такое деревня, но ее слова о глазах и ушах на каждом столбе всерьез не воспринял. Не может слышать и видеть *каждый* столб, не может. Вот на одном каком-нибудь глаза и уши могут быть. Но только на одном... Кстати, вот они, эти глаза и уши, идут ко мне. Отделились от электрического столба и перегораживают мне путь.

– Ну, чего тебе, Юра? – спросил я, узнав обладателя этих ушей и глаз. – Все высматриваешь?

– Чего я высматриваю? – пьяно качнувшись, буркнул парень.

– Кто что делает, кто куда идет – интересно, да?

– Просто стою.

– Арина мимо проходила?

– Арина?.. Ну да, Арина была... А что с Ириной, а? – хлопнул носом Юра.

– Убили Ирину. И мужа ее убили.

– А кто?

– Тебе не все равно?

– Я ее любил... И всегда любить буду...

– Это твои проблемы, парень. Ты извини, но мне идти надо.

– Куда, к Арине?

– А вот это не твое дело.

– Погубит она тебя.

– Чего? – удивленно и вместе с тем заинтригованно посмотрел я на парня.

– Погубит, – отрыгнув смрадно-перегарный «аромат», сказал Юра.

– А что, был инцидент?

Какое-то время парень туго вспоминал, что такое инцидент, затем кивнул:

– Был.

– Когда?

– Да два года назад, летом. Они тогда с Ириной здесь гостили. Мужик у нас тут, фермер, целое хозяйство у него было, наемные китайцы на него работали...

– Так что, Арина работать у него отказалась? Поэтому китайцы и надорвались, да? Эх, погубила!

– А ты не смейся, совсем не смешно! Арина его с толку сбила! С ним закрутила, да так, что он от жены ушел. Думал с ней жить, а она хвостом вильнула и в город уехала.

– И что?

– Что, что? В запой мужик ушел. Хозяином был, а сейчас

голь перекатная, ходит, по дворам побирается...

– Это понятно. Непонятно, Арина здесь при чем? – разочарованно спросил я.

Думал, какая-то таинственная, может быть, даже мистическая история, а здесь обычные полюбовно-сумасбродные страсти. Ну, закрутила Арина роман с кем-то со скуки, что здесь такого?

– Так он из-за нее же от жены ушел!

– Она его уйти заставила?

– Нет, но ведь ушел.

– Знаешь, если за каждого дурака ответ держать, никаких свечей не хватит.

– Каких свечей? – не понял парень.

– Церковных, покаянных... И ты за языком следи, а то несешь всякий вздор. Кого она погубила?

– Ирину погубила! – раздосадованный, выпалил Юра.

– Ух ты! Это уже интересно!

– Ему нужна была Арина, а убил Ирину!

– Кому ему? – подозрительно сощурил я глаза.

– Есть тут один! Про Ирину спрашивал.

– Кто такой? Откуда?

– Неважно! – спохватился парень.

– Да нет, браток, здесь ты не прав. Из уголовного розыска я, капитан Петрович. И мы знаем, что Ирину кто-то из ваших деревенских убил... Придется мне тебя арестовать! – громогласно заключил я.

– За что? – моментально протрезвел Юра.

– Сам же признался, что тебе нужна была Арина, а убил Ирину.

– Не мне нужна! Ему!

– Кому «ему»?

– Ну, он здесь недалеко живет. Дом на косогоре, с башенками...

– Слюнявый?

– Да, да, было такое, губы у него мокрые, ну и слюна была. Так, немного, но была.

– И о чем он с тобой с пеной у рта говорил?

– Про Ирину спрашивал. Куда уехала, где живет?

– И куда она уехала?

– Ну, в Черногайск.

– И адрес ты ему дал?

– Ну не то чтобы дал... Так, сказал... – замялся парень.

– А сам адрес откуда знаешь?

– Ну, как же, я писал Ирине... Правда, она не отвечала...

– Зато ты ответил. На вопрос слюнявого... И сам знаешь, чем это закончилось?

– Чем?

– Дурака не валяй, – наморщил я лоб. – Сам же сказал, что слюнявый Ирину убил.

– Э-э... Я не сказал... Я подумал...

– Думал ты или нет, а слово уже вылетело... Как слюнявого зовут?

– Гарик... Да, кажется, Гарик...

– На черном джипе он был, да?

– Да, на джипе подъезжал. Красивая машина. Мне о такой только мечтать...

– Ирина тоже мечтала. А нет Ирины. И ты слюнявому в этом помог. Ты! Он выследил Ирину и убил ее... Вспомни, может, Гарик грозился ее убить?

– Ну, не то чтобы...

– А конкретно?

– Ну, он сказал, что никуда она от него не денется. За ней поедет, сказал... А когда я узнал, что с Ириной случилось, сразу все понял...

– Что ты понял?

– Ну, что Гарик мог перепутать Арину с Ириной. А убил, чтобы она никому не доставалась... Мутант! – в сердцах выдал парень.

– Почему мутант? – заинтригованно спросил я, вспомнив, что Арина отзывалась о Гарике в том же ключе.

– Да потому что «кока-колу» без конца пьет! Пока мы говорили, он целых две банки выпил. И угостить не догадался...

– Так почему мутант – потому что «колу» пьет, или потому, что тебя не угостил?

– Потому что «колу» пьет. А ее нельзя пить!

– Почему?

– Потому, что она вредная! Потому, что сплошная химия!

Потому, что мозги от нее деградируют!

– Значит, мозги у Гарика деградировали, поэтому он и хотел убить Арину.

– Да нет, тут любовь, – мотнул головой парень. – Я ведь тоже Ирину хотел убить. Когда узнал, что она замуж выходит...

Я озадаченно провел рукой по волосам. Странная какая-то деревня. Всего про двух ее жителей знаю, и оба клинические психопаты. И «кока-кола» здесь явно ни при чем.

– Так, может, ты ее и убил? – хлестко спросил я.

– Нет! Гарик это! Он! – опомнившись, мотнул головой парень.

И вдруг, глядя в сторону бани, встревоженно возвестил, что видит там большой огонь. И действительно, в конце улицы у реки занималось зарево пожара.

– Твою Матильду!

Явственное предчувствие беды сорвало меня с места, и я опрометью побежал на пожар.

Увы, но полыхала та самая баня, о которой я и подумал. И загорелась она не изнутри, а снаружи. Обильно облили бензином со всех сторон и подожгли. Слишком уж плотно и мощно вздымалось пламя, чтобы всерьез принимать в расчет несчастный случай. Да и огонь разгорелся слишком быстро. К тому же, дверь снаружи была подперта толстой палкой. Это могло значить, что «красного петуха» забросили сюда намеренно, и с тем, чтобы Арина заживо сгорела в огне.

Жаркое пламя с голодным гулом высасывало из бревен углеводы и, насыщаясь, остервенело рвалось в небо. Но я не испугался его и, выбежав на речные мостки, с ходу плюхнулся в воду – намок с головы до ног. И бегом вернулся обратно к бане. Ногой отбросил обуглившуюся палку, выбил дверь.

Если баню подожгли снаружи, то внутри пожар еще мог не достичь разрушительной силы. И действительно, я не увидел внутри клубов пламени, только всполохи огня, прорывающегося через маленькое окошко в парилке.

Набросив на голову мокрую куртку и наполнив легкие воздухом, я бросился в пекло пожара.

Никогда еще я не встречал столь жарко протопленной парилки, как в этой бане. Одежда на мне высохла вмиг, туфли создали на ногах эффект «испанского сапога», которым средневековые палачи так любили мучить своих жертв. Кожа, казалось, покрывалась горячими волдырями. И еще, пытаюсь нащупать Арину в кромешной темноте перед глазами, я коснулся голый рукой раскаленной печки – причем боли в тот момент не почувствовал.

Увы, но Арину я с ходу не нашел, а продолжать поиски уже не было времени. Запас кислорода в легких еще оставался на минуту, может, и две, но под потолком уже бушевал пожар и горящие доски падали мне на голову. Еще чуть-чуть, и начнут рушиться балки перекрытия и верхние бревна, тогда мне уже никогда не выбраться отсюда.

Глядя на то, с какой прытью я выбежал из полыхающей

бани, меня можно было сравнить и с ошпаренным, и с угорелым, тем более что и так правильно, и так. Сорвав с головы задубевшую от жара куртку, я снова бросился в реку, в спасительную прохладу большой воды. Обожженная рука разболелась, и я уже боялся выбираться на сушу, потому что там боль могла усилиться в разы. Но холод вытолкнул меня из реки, и я снова вернулся к полыхающей бане.

А там уже всюду суеился народ. Чуть не сбив меня с ног, к мосткам тяжело пробежал грузный мужчина с двумя ведрами воды. За ним устремился кучерявый паренек с тазиком. Честно говоря, мне сейчас не было никакого дела до соседних бань, но селяне больше были озабочены спасением своей недвижимости. Поэтому они бросились тушить пожар, чтобы он не перекинулся на соседние строения.

Готов был к ним присоединиться и я, чтобы хоть как-то отвлечься от скорбно воющих мыслей. Но вдруг заметил стоящего в отдалении Юру. Озадаченно приложив палец к подбородку, с приоткрытым от растерянности ртом он смотрел на пламя пожара.

Я шел в баню вслед за Ариной, а этот парень перегородил мне путь, отвлек меня разговором, который показался мне интересным. Отвлек, поэтому я не смог защитить Арину. Значит, он был в сговоре с преступниками.

Эта моя версия изобиловала логическими изъяснами, но из-за собственной беспомощности перед стихией я впал в настоящее буйство и схватил парня за грудки.

– Кто! Кто это сделал?! – заорал я.

Шокированный столь жестким натиском, Юра попятился, но, споткнувшись, упал, и я повалился на него.

Но хватку я не ослабил и, насев на него, продолжал трясти.

– Кто это сделал, я спрашиваю? Кто?

Он пытался что-то сказать, но от волнения у него перехватило горло, и он только бессильно хватал ртом воздух.

– Я спрашиваю...

Повторить вопрос я не успел. Что-то тяжелое и дубовой крепости опустилось мне на голову, и я без чувств рухнул на свою жертву.

Глава 6

Черная муха жужжала под потолком, наматывала орбиты вокруг погасшей лампы. Я тупо смотрел на нее в ожидании, когда жужжащее насекомое спикирует на меня и щекотно коснется кончика моего носа. Устал смотреть, но все равно не мог отвести от нее взгляд. А когда она все же устремилась ко мне, сознание мое вдруг померкло и, плавно, мягко разваливаясь на куски, растворилось в дневном свете больничной палаты.

А когда я снова пришел в себя, вместо мухи увидел средних лет полнолицую женщину в белом халате и фонендоскопом на груди.

– Давай, просыпайся, – на «ты», но совсем не грубо обратилась она ко мне.

– Сейчас, – обессиленно пробормотал я. – Одну секунду...

Я всего лишь собирался моргнуть, чтобы смочить неприятную сухость на глазах, но именно в этот момент сон и навалился на мое сознание, спеленал его мягкой непроницаемой ватой, утащил в свои меркнувшие глубины.

Проснувшись, я снова увидел перед глазами светло-серый в темных разводах потолок и сидевшую на лампочке муху. Как будто почувствовав себя в центре внимания, она радостно жужжала, спикировала вниз, по кругу прошла над мо-

им лицом и села на дальнюю спинку больничной койки. Но тут же, кем-то встревоженная, взвилась вверх. Далеко, правда, улететь не смогла. В воздухе перед моими глазами мелькнула чья-то крепкая рука, и муха оказалась зажатой в ладони.

– Ну вот, долеталась! – взбодренный мелкой, если не сказать, животной радостью, сказал дюжий мужчина в милицеевской форме.

На его плечи был наброшен халат, и я не видел, какого он звания. Лицо некрасивое, простоватое. Маленькие глазки-буравчики, утиный нос, рыхлые щеки, жиденький второй подбородок. Выглядел он лет на сорок, хотя мог быть гораздо младше по возрасту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.